

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ

ВУДХАУС

*ФАМИЛЬНАЯ ЧЕСТЬ
ВУСТЕРОВ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Дживс и Вустер

Пелам Гренвилл Вудхаус
Фамильная честь Вустеров

«АСТ»

1938

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Фамильная честь Вустеров / П. Вудхаус — «АСТ»,
1938 — (Дживс и Вустер)

ISBN 978-5-17-098195-3

Безотказный Берти Вустер терпит неудачу, помогая неугомонной тетушке Далии осуществить ее преступные планы по изъятию антикварного сливочника в форме коровы у грозного судьи Бассета. Фамильная честь Вустеров под угрозой. Но верный Дживс, умница и эрудит, как обычно, находит выход из абсолютно безвыходной ситуации.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098195-3

© Вудхаус П., 1938
© АСТ, 1938

Содержание

Глава I	5
Глава II	15
Глава III	25
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пелам Гренвилл Вудхаус

Фамильная честь Вустеров

Глава I

Я выпростал руку из-под одеяла и позвонил Дживсу.

– Добрый вечер, Дживс.

– Доброе утро, сэр.

Я удивился.

– Разве сейчас утро?

– Да, сэр.

– Вы уверены? За окнами совсем темно.

– Это туман, сэр. На дворе осень – вы, конечно, помните: «Пора плодоношенья и туманов...»¹

– Пора чего?

– Плодоношенья, сэр, и туманов.

– А-а, ну да, конечно. Все это прекрасно, Дживс, однако сделайте любезность, приготовьте мне одну из ваших смесей для воскрешения из мертвых.

– Уже приготовил, сэр, она ждет в холодильнике.

Он выскользнул из спальни, а я сел в постели с не слишком приятным и таким знакомым ощущением, что вот сейчас-то я и отдам Богу душу. Накануне вечером я ужинал в «Трутнях» с Гасси Финк-Ноттлом, которому закатил мальчишник, чтобы он в кругу друзей простился с холостой жизнью перед предстоящим бракосочетанием с Мадлен Бассет, единственной дочерью сэра Уоткина Бассета, кавалера ордена Британской империи второй степени, а за подобное времяпрепровождение приходится жестоко расплачиваться, и пока я дожидался Дживса, мне представлялось, будто какая-то скотина вбивает мне в башку железный кол, но кол не простой и обыкновенный, каким Хеверова жена Иаиль пронзила череп Сисаре,² а докрасна раскаленный.

Вернулся Дживс с эликсиром жизни. Я залпом осушил стакан и, пройдя полный курс крестных мук, который непременно следует за принятием изобретенных Дживсом животворных бальзамов, – например, мое темя взлетело к потолку, а глаза выпрыгнули из орбит и, удравшись о стену, отскочили, как теннисные мячи, – почувствовал себя лучше. Было бы преувеличением утверждать, что ваш покорный слуга Бертрам Вустер совсем ожил, однако толика сил вернулась, я даже обрел способность вести беседу.

– О-хо-хо! – произнес я, изловив свои глаза и водворяя их на место. – Ну как, Дживс, что новенького в мире? У вас ведь в руках газета?

– Нет, сэр. Это путеводители из туристического агентства. Я подумал, может быть, вам будет интересно полистать.

– В самом деле, Дживс? – спросил я. – Вы действительно так подумали?

Последовало непродолжительное и, как я бы определил, многозначительное молчание.

Когда два человека с железной волей живут в тесном контакте друг с другом, конфликты между ними просто неизбежны, и именно такой конфликт разгорелся сейчас в доме Берти Вустера. Дживс вознамерился выманить меня в кругосветное путешествие, а мне даже думать об этом тошно. Я решительно заявил, что никуда не поеду, и все равно Дживс чуть не каждый

¹ «Пора плодоношенья и туманов...» – Строка из «Оды к осени» Джона Китса

² ...Хеверова жена Иаиль пронзила череп Сисаре... – В Книге Судей (4:12) повествуется, как Иаиль убила ханаанского военачальника Сисару, пробив ему голову колом для натягивания шатра.

день приносит мне пачки иллюстрированных проспектов, при помощи которых разные бюро путешествий соблазняют нас сняться с насиженных мест и мчаться черт знает куда любоваться красотами природы. Глядя на Дживса, я каждый раз представляю себе хорошо натасканного охотничьего пса, который упорно приносит в гостиную дохлых крыс и кладет на ковер, как ему ни объясняй, что в подобных услугах здесь не нуждаются, более того, эти услуги обременительны.

– Дживс, выкиньте эту блажь из головы, – сказал я.

– Путешествия чрезвычайно обогащают новыми познаниями, сэр.

– Я в новых познаниях не нуждаюсь, сыт по горло тем, что напичкали в меня, пока учился.

А вот что с вами происходит, я отлично знаю. В вас снова проснулась кровь ваших предков, викингов. Вы жаждете вдохнуть соленый запах моря. Вы мысленно разгуливаете по палубе в белой капитанской фуражке. Возможно, кто-то прожужжал вам уши о танцовщицах острова Бали. Что ж, я вас понимаю, я вам даже сочувствую. Но все это не для меня. Я не позволю погрузить себя на океанский лайнер, пропади они все пропадом, и волочь вокруг света.

– Как вам будет угодно, сэр.

В его голосе я уловил легкую иронию: разозлиться он не разозлился, но был явно разочарован, и я дипломатично переменял тему.

– Эх, Дживс, и кутнули мы вчера!

– Хорошо провели время, сэр?

– Да уж, повеселились на славу. Гасси просил передать вам привет.

– Я высоко ценю его любезность, сэр. Надеюсь, мистер Финк-Ноттл был в добром расположении духа?

– О, лучше некуда, особенно если вспомнить, что близится час, когда он станет зятем сэра Уоткина Бассета. Слава Богу, что он, а не я, Дживс, – могу лишь благодарить Всевышнего.

Произнес я это с большим жаром, сейчас объясню почему. Нынешней весной, когда мы праздновали победу в Гребных гонках,³ я попал в суровые лапы Закона за попытку освободить голову полицейского от его каски и, сладко проспав ночь на голой деревянной скамье в участке, был доставлен на Бошер-стрит и оштрафован на пять фунтов – на целых пять моих кровных фунтов. Мировой судья, который вынес этот возмутительно несправедливый приговор, – должен признаться, публика встретила его одобрительными возгласами, – был не кто иной, как старикан Бассет, папаша будущей невесты Гасси.

Как потом выяснилось, я оказался одной из его последних жертв, потому что буквально через полмесяца он получил от дальнего родственника очень неплохое наследство, оставил службу и перебрался жить в деревню. Так, во всяком случае, он сам представил дело, но лично я убежден, что это самое «наследство» он сколотил, прикармливая штрафы. Хапнет у одного пятерку, хапнет у другого, третьего – глядишь, лет эдак через двадцать составил солидный капиталец.

– Вы ведь помните, Дживс, эту злобную тварь? Настоящий изверг.

– Возможно, сэр, в кругу своей семьи сэр Уоткин не столь суров?

– Сомневаюсь. Цепного пса в овечку не превратишь. Ну да черт с ним. Письма есть?

– Нет, сэр.

– Кто-нибудь звонил?

– Да, сэр. Звонила миссис Траверс.

– Тетушка Далия? Стало быть, она вернулась в Лондон?

– Именно так, сэр. Она выразила желание побеседовать с вами, как только вы сможете ей позвонить.

³ ...победу в Гребных гонках... – Имеются в виду традиционные соревнования по гребле между восьмерками Оксфордского и Кембриджского университетов, проводимые ежегодно в марте – апреле в Лондоне на реке Темза.

– Я сделаю лучше, – великодушно решил я. – Явлюсь к ней собственной персоной.

И спустя полчаса я поднялся по ступеням ее особняка. Старый теткин дворецкий Сеппингс распахнул передо мной дверь, и я вошел в дом, не подозревая, что всего через несколько минут буду втянут в передрагу, которая подвергнет фамильную честь Бустеров величайшему испытанию, какое только выпадало на долю представителей нашего славного рода. Я имею в виду эту кошмарную историю, в которой фигурировали Гасси Финк-Ноттл, Мадлен Бассет, папаша Бассет, Стиффи Бинг, преподобный Г.П. Линкер (Растяпа), серебряный сливочник в форме коровы работы восемнадцатого века, а также маленький блокнот в кожаном переплете.

Нет, я не почувствовал приближения рокового поворота судьбы, даже слабая тень тревоги не омрачила моей безмятежной радости. Мне не терпелось увидеть тетю Далию – наверно, я уже говорил, что обожаю ее, она вполне этого заслуживает, и, пожалуйста, не путайте ее с тетей Агатой, та настоящая ведьма – ничуть не удивлюсь, если узнаю, что она с хрустом жует бутылочные осколки и надевает сорочку из колючей проволоки прямо на голое тело. Манили меня в этот дом не одни только интеллектуальные наслаждения – всласть посплетничать с любимой теткой, я к тому же пламенно надеялся, что сумею напроситься к ней на обед. Кулинарные изыски ее повара, француза Анатоля, способны привести в восторг самого взыскательного гурмана.

Дверь в примыкающую к кухне малую столовую была открыта, и, проходя мимо, я увидел, что дядя Том колдует над своей коллекцией старинного серебра. Конечно, надо бы с ним поздороваться, спросить, как желудок, ведь старикан страдает несварением, но соображения здравого смысла одержали верх. Мой дядюшка из тех зануд, что, едва завидят племянника, хватят его за лацкан и ну просвещать по поводу серебряных подсвечников, античных листовых узоров, венков, резьбы, чеканки, барельефов, горельефов, романского орнамента в виде цепи выпуклых овалов у края изделия, так что я счел за благо не провоцировать его. Прикусил язык и на цыпочках в библиотеку, где, как мне сообщили, расположилась тетушка Далия.

Старушенция по самый перманент зарылась в ворох гранок. Всему свету известно, что сия изысканная дама – знаменитый издатель еженедельника для юных отпрысков благородных семейств, называется он «Будуар элегантной дамы». Однажды я написал для него статью под заголовком «Что носит хорошо одетый мужчина».

При моем появлении тетушка вынырнула из бумаг и в знак приветствия издала громкое «у-лю-лю», как в былые времена на травле лис, когда она считалась самой заметной фигурой в «Куорне», «Пайчли» и других охотничьих обществах, из-за которых лисы стали чувствовать себя в Англии довольно неудобно.

– Здорово, чучело, – произнесла она. – Зачем пожаловал?

– Насколько я понял, дражайшая родственница, вы изъявили желание побеседовать со мной.

– Но это вовсе не значит, что ты должен вломиться ко мне и оторвать от работы. Можно было все решить за полминуты по телефону. Но, видно, чутье тебе подсказало, что у меня сегодня дел невпроворот.

– Если вы огорчились, что я не смогу пообедать с вами, спешу вас успокоить: останусь с величайшим удовольствием, как всегда. Чем нас порадует сегодня Анатолий?

– Тебя – ничем, мой юный жизнерадостный нахал. К обеду приглашена Помона Грайндл, она писательница.

– Буду счастлив познакомиться с Помоной Грайндл.

– Никаких знакомств. Мы обедаем вдвоем, только она и я. Я пытаюсь уговорить ее дать нам для «Будуара» роман с продолжением. А ты, пожалуйста, сходи в антикварную лавку на Бромптон-роуд – она прямо за католическим собором, ты сразу увидишь, – и облей корову презрением...

Я ничего не понял. Было полное впечатление, что тетушка бредит.

– Какую корову? И зачем ее надо обливать презрением?

– В лавке продается сливочник работы восемнадцатого века, в форме коровы. Том после обеда хочет его купить.

Я начал прозревать.

– А, так эта штука серебряная?

– Серебряная. Такой старинный кувшинчик. Придешь в лавку, попросишь показать его тебе и охаешь последними словами.

– Но зачем?

– Ну ты и олух. Чтобы сбить с продавцов спесь. Посеять в их душах сомнения, выбить почву из-под ног и заставить снизить цену. Чем дешевле Том купит корову, тем больше обрадуется, а мне нужно, чтобы он был на седьмом небе от счастья, потому что, если Помона Грайндл согласится отдать нам роман, придется мне основательно разорить Тома. Эти знаменитые писательницы настоящие грабители. Так что не трать времени попусту, беги в лавку и с отвращением потряси головой.

Я всегда готов услужить любимой тетке, но на сей раз был вынужден объявить *polle prosequi*,⁴ как выразился бы Дживс. Его послепохмельные эликсиры поистине чудодейственны, но, даже приняв их, вы не в состоянии тряхнуть головой.

– Голову я даже повернуть не могу. Во всяком случае, сегодня.

Она с осуждением выгнула правую бровь.

– Ах вот, значит, как? Предположим, твоя гнусная невоздержанность лишила тебя способности владеть головой, но нос-то ты сморщить в состоянии?

– Это пожалуйста.

– Тогда действуй. И непременно фыркни. Громко и презрительно. Да, главное не забудь: скажи, что корова слишком молода.

– Зачем?

– Понятия не имею. Наверное, для серебряного изделия это большой изъясн.

Она внимательно взгляделась в мое серое, как у покойника, лицо.

– Итак, мой птенчик вчера опять прожигал жизнь? Удивительное дело! Каждый раз, как я тебя вижу, ты страдаешь от жестокого похмелья. Неужели пьянствуешь беспробудно? Может быть, даже во сне пьешь?

Я возмутился:

– Обижаете, тетенька. Я напиваюсь только по особо торжественным случаям. Обычно я очень умерен: два-три коктейля, бокал вина за обедом, может быть, рюмка ликера с кофе – вот все, что позволяет себе ваш Бертрам Вустер. Но вчера вечером я устроил мальчишник для Гасси Финк-Ноттла.

– Ах вот оно что, мальчишник. – Она рассмеялась – несколько громче, чем хотелось бы, учитывая мое болезненное состояние; впрочем, тетушка моя дама своеобразная: от ее хохота штукатурка с потолка осыпается. – Да еще для Виски-Боттла! Кто бы мог подумать! Ну и как вел себя наш любитель тритонов?

– Разошелся – не остановить.

– Неужели даже спич произнес на этой вашей оргии?

– Произнес. Я сам удивился. Думал, будет краснеть, мямлить, отнекиваться, однако ничего подобного. Мы выпили за его здоровье, он поднимается, невозмутимый, как напиги-ванный салом жареный фазан, – это сравнение Анатоля, – и буквально заворачивает нас своим красноречием.

– Надо полагать, еле на ногах держался?

⁴ Прекращение производства дела (лат.).

- Напротив, был возмутительно трезв.
- Приятно слышать о такой перемене.

Мы мысленно перенесли в тот летний день в ее имении в Вустершире, когда Гасси, не упустивший случая нагрузиться выше ватерлинии, поздравлял юных питомцев средней школы из Маркет-Снодсбери на церемонии вручения им ежегодных наград.

Когда я хочу рассказать анекдот о человеке, который уже фигурировал в моих историях, я вечно затрудняюсь: что именно следует сообщить о нем, предваряя свое повествование. Этот вопрос требует всестороннего рассмотрения. Вот, например, сейчас: если я буду считать, что моим слушателям все известно о Гасси Финк-Ноттле, те, кого не было в нашей компании в первый раз, мало что поймут. С другой стороны, если я для начала попытаюсь изложить историю жизни моего героя томах эдак в десяти, слышавшие меня раньше начнут давиться зевотой и роптать, дескать, знаем, знаем, переходи к сути. По-моему, единственный выход – побыстрее оттараторить самое важное для непосвященных и с извиняющейся улыбкой развести руками перед остальными – вы уж, пожалуйста, потерпите минуту-другую, поболтайте о чем-нибудь забавном, я мигом закруглюсь.

Так вот, вышеупомянутый Гасси – мой приятель; достигнув зрелого возраста, он похоронил себя в деревенской глуши и посвятил все свое время изучению тритонов, держал этих тварей в аквариуме и буквально не сводил с них глаз, наблюдая за их повадками. Вы бы назвали его убежденным анахоретом – может быть, вам знакомо это слово – и попали бы в яблочко. Даже при самом буйном воображении невозможно себе представить, что этот чудак не от мира сего способен шептать нежные слова признания в розовое девичье ушко, дарить обручальные кольца и покупать разрешение на венчание в церкви. Но Любовь коварна. Увидев в один прекрасный день Мадлен Бассет, он втрескался в нее как последний идиот, послал уединенную жизнь к чертям, бросился ухаживать за Мадлен и после многочисленных злоключений добился взаимности, так что теперь ему в скором времени предстоит натянуть клетчатые брюки, воткнуть в петлицу гардению и предстать с этой мерзкой девицей пред алтарем.

Я называю эту девицу мерзкой, потому что она и вправду омерзительна. Бустеры славятся рыцарским отношением к женщине, но лицемерить мы не способны. Вздорная, кислая, сентиментальная дурочка, без конца томно закатывает глазки и сюсюкает, голова набита опилками, послушали бы вы, что она несет о зайцах и звездах. Помнится, уверяла меня как-то раз, что на самом деле зайцы – это гномы из свиты какой-то там феи, а звезды – ромашки, растущие на небе у Господа. Чушь собачья, конечно. Никакие зайцы не гномы, а звезды – не ромашки.

Тетя Далия снова раскатилась своим басовитым смехом – воспоминание о речи Гасси перед питомцами школы в Маркет-Снодсбери неизменно вызывало у нее приступ веселья.

– Ох уж этот наш Виски-Боттл! Кстати, где он сейчас?

– Гостит в поместье папаши Бассета, Тотли-Тауэрсе, это в Тотли, в графстве Глостершир. Вернулся туда сегодня утром. Венчание будет проходить в местной церкви.

– Ты поедешь?

– Сохрани Господь!

– Понимаю, тебе было бы тяжело. Ведь ты влюблен в эту барышню.

Я вытаращил глаза:

– Влюблен? В кретинку, которая убеждена, что всякий раз, как какая-нибудь волшебница высморкается, на свет рождается младенец?

– Ну, не знаю. Однако же ты был с ней помолвлен, это всем известно.

– Ровно пять минут, и то по недоразумению. – Я был страшно уязвлен. – Дражайшая тетушка, вам отлично известна подоплека этой гнусной истории.

Настроение у меня испортилось. Не люблю вспоминать этот эпизод. Изложу его буквально в двух словах. Не в силах оторваться от своего давнего увлечения – тритонов, Гасси стал ухаживать за Мадлен Бассет через пень-колоду и даже попросил меня временно оказывать ей

знаки внимания вместо него. Не мог же я отказать другу, а эта полоумная решила, что я в нее влюбился. Кончилось тем, что после знаменитого выступления Гасси на церемонии вручения наград она отвергла его на какой-то срок и приблизила к своей особе меня, и мне осталось лишь смириться с приговором злой судьбы. Ну скажите, если девице вдруг втемяшилось, что вы сходите по ней с ума, и она является к вам с признанием, что дает своему жениху отставку и готова связать свою жизнь с вами, – так вот, спрашиваю я вас, разве есть у порядочного человека выбор?

К счастью, в последнюю минуту все уладилось, эти идиоты помирились, но меня до сих пор бросает в дрожь при мысли об опасности, которая нависла надо мной тогда. И если честно, я не буду чувствовать себя в безопасности, пока священник не спросит: «Согласен ли ты, Огастус?..» – и Гасси смущенно прошепчет: «Да».

– Если хочешь знать, я и сама не собираюсь быть на этой свадьбе. Терпеть не могу сэра Уоткина Бассета и не желаю оказывать ему ни малейшего внимания. Подлец, негодяй!

– Стало быть, вы знаете этого старого мошенника? – удивился я, получив в очередной раз подтверждение истины, которую люблю повторять: мир тесен.

– Конечно, знаю. Он приятель Тома. Они оба коллекционируют старинное серебро и по поводу каждого предмета сварятся друг с другом как собаки. Месяц назад он гостил у нас в Бринкли. И знаешь, как отплатил за все наше радушие и гостеприимство? Попытался тайком переманить Анатоля!

– Не может быть!

– Еще как может. К счастью, Анатолий остался нам верен – после того, как я удвоила его жалованье.

– Утройте его, тетенька, платите ему в пять, в десять раз больше! – с жаром воззвал к ней я. – Пусть этот король бифштексов и рагу купается в деньгах, лишь бы остался в вашем доме!

Я страшно разволновался. Наш несравненный кудесник Анатолий чуть было не покинул Бринкли-Корт, где я могу наслаждаться его кулинарными шедеврами, стоит мне напроситься к тетке в гости, чуть было не переметнулся к старому хрычу Бассету, уж он-то никогда не пригласит к себе за стол Бертрама Вустера. Да, это была бы катастрофа.

– Ты прав, – согласилась тетя Далия, и глаза ее запылали гневом при воспоминании о подкольном предательстве. – Сэр Уоткин Бассет просто разбойник с большой дороги. Ты предупреди своего приятеля, пусть Виски-Боттл в день свадьбы держит ухо востро, а то раскиснет от нежных чувств, тут старый жулик и украдет у него булавку из галстука прямо в церкви. Ну все, выкатывайся. – И она протянула руку к эссе, в котором содержались, как мне показалось, глубочайшие откровения касательно ухода за младенцами – как в болезни, так и в здравии. – Мне надо прочесть несколько тонн корректуры. Кстати, передай вот это при случае Дживсу. Очерк для «Уголка мужа», посвящен атласной ленте на брюках к вечернему костюму, мысли высказываются чрезвычайно смелые, я хочу знать мнение Дживса. Вполне возможно, что это красная пропаганда. Надеюсь, я могу на тебя положиться? Повтори, как будешь действовать.

– Пойду в антикварную лавку...

– ...что на Бромптон-роуд...

– ...да, как вы уточнили, что на Бромптон-роуд. Попрошу показать мне корову...

– ...и презрительно фыркнешь. Великолепно. Ну, шпарь. Дверь у тебя за спиной.

В безоблачном настроении выбежал я на улицу и махнул проезжающему мимо такси. Знаю, многие на моем месте принялись бы ворчать, что им испортили утро, но я лишь радовался, что в моей власти совершить небольшое доброе дело. Я часто говорю: взгляните повнимательнее в Бертрама Вустера, и вы увидите озорного бойскаута.

Антикварная лавка на Бромптон-роуд оказалась именно такой, какой и положено быть антикварной лавке на Бромптон-роуд, да, кстати, и на любой другой улице, исключая роскош-

ные магазины на Бонд-стрит и по соседству с ней, – то есть само здание донельзя обшарпанное, а внутри темно и затхло. Почему-то владельцы подобных заведений вечно тушат мясо в задней комнате.

– Могу я посмотреть... – произнес я, переступив порог, но сразу же умолк, увидев, что приказчик занят с двумя другими посетителями. Хотел было сказать: «Ничего, пустяки», – пусть думают, что я забрел сюда случайно, мимоходом, – да так и замер с открытым ртом.

Казалось, в лавку сползся весь туман упомянутой Дживсом поры плодоношения и забил ее плотной массой, однако я умудрился разглядеть в этом киселе, что один из посетителей, тот, что пониже ростом и постарше, мне знаком, и даже очень. Старикашка Бассет собственной персоной. Он, и никто другой.

Характеру Бустеров свойственна несгибаемая твердость духа, об этом часто говорят в обществе. Именно это качество я и ощутил в себе сейчас. Человек со слабой волей, без сомнения, незаметно ускользнул бы с поля боя и задал стрекача, но я решил принять сражение. В конце концов, тот инцидент с полицейским не более чем прошлогодний снег. Выложив пять фунтов, я заплатил свой долг обществу, что мне теперь бояться этого старого сукина сына? Он же просто карлик, сморчок. И я принялся расхаживать по лавке, исподтишка на него посматривая.

При моем появлении папаша Бассет обернулся и бросил на меня беглый взгляд, а потом стал то и дело коситься в мою сторону. Я понимал: минута, другая – и из глубин памяти всплывет сцена в суде, он узнает стройного аристократа, который стоит неподалеку, опираясь на ручку зонта. Ага, узнал-таки. Приказчик скрылся в задней комнате, и старикашка Бассет двинулся в мою сторону, сверля меня взглядом сквозь очки.

– Здравсте, здравсте, молодой человек, – сказал он. – Я вас знаю. У меня отличная память на лица. Я судил вас за нарушение.

Я слегка поклонился.

– Судил, но всего один раз. Очень рад. Надеюсь, урок пошел вам на пользу и вы исправились. Превосходно! Кстати, что за проступок вы совершили? Не надо, не подсказывайте, я сам вспомню. Ну конечно! Вы украли сумочку!

– Нет, нет, я...

– Вот именно, украли дамскую сумочку, – непререкаемым тоном повторил он. – Я прекрасно помню. Но теперь с преступным прошлым покончено, верно? Мы начали новую жизнь, да? Великолепно! Родерик, подите сюда. Чрезвычайно интересный случай.

Спутник папаши Бассета поставил на стол поднос для визитных карточек, который рассматривал, и подгреб к нам.

Я уже обратил внимание, какой это дикий экземпляр человеческой породы. Двухметрового роста, в широченном клетчатом пальто из шотландского пледа чуть не до пят, он казался поперек себя шире и невольно притягивал все взгляды. Природа словно бы решила сотворить гориллу, но в последнюю минуту передумала.

Впрочем, поражал этот субъект не только гигантскими размерами. Вблизи вы уже видели лишь его физиономию – квадратную, мясистую, с крошечными усиками где-то посередине. Глазки острые, так вас и буравят. Не знаю, доводилось ли вам видеть в газетах карикатуры диктаторов? Подбородок задран к небу, глаза сверкают, они произносят перед восторженной толпой пламенную речь по поводу открытия нового кегельбана. Так вот, этот субъект был вылитый диктатор с карикатуры.

– Родерик, я хочу познакомить вас с этим молодым человеком, – сказал папаша Бассет. – Его случай блестяще подтверждает мысль, которую я не устаю повторять: в тюрьме человек

вовсе не деградирует, тюрьма никоим образом не калечит его душу, не мешает, ступив на прежнего себя, подняться в высшие пределы.⁵

Этот номер про высшие пределы мне знаком, он из репертуара Дживса, но где старикан-то его подцепил? Интересно.

– Взгляните на этого молодого человека. Совсем недавно я приговорил его к трем месяцам лишения свободы за воровство сумочек на вокзалах, и вот вам пожалуйста: пребывание в тюрьме оказало на него самое благотворное воздействие. Он духовно возродился.

– Вы так думаете? – отозвался Диктатор. Не могу сказать, что он саркастически хмыкнул, но его тон мне все равно не понравился. Да и смотрел он на меня с гнусным надменным выражением. Помнится, в голове мелькнула мысль, что именно ему следует фыркать на серебряную корову, лучшей кандидатуры не найти.

– С чего вы взяли, что он духовно возродился?

– Да разве можно в этом сомневаться? Достаточно взглянуть на него. Хорошо одет, даже элегантен, вполне достойный член общества. Не знаю, каков его нынешний род деятельности, но сумочки он не крадет, это ясно как день. Чем вы сейчас занимаетесь, молодой человек?

– По всей видимости, крадет зонты, – ответил Диктатор. – Я вижу, он опирается на ваш зонт.

Да как он смеет! Нахал! Сейчас я ему докажу... и вдруг меня будто огрели по лицу носком, в который натолкали мокрого песка: я сообразил, что обвиняет он меня не без оснований.

Понимаете, я вспомнил, что выходил из дома без зонта, и вот поди ж ты – стою сейчас перед ними, опираясь на ручку зонта, всякий подтвердит, что это именно зонт, а не что-то другое. Не могу постичь, что побудило меня взять зонт, который был прислонен к стулу работы семнадцатого века, разве что первобытный инстинкт, влекущий человека без зонта к первому попавшемуся на глаза зонту: так цветок тянется к солнцу.

Следовало принести извинения, как подобает мужчине. И я их принес, возвращая этот окаянный предмет владельцу:

– Простите, сам не понимаю, как это произошло.

Папаша Бассет сказал, что он тоже не понимает, более того, он смертельно огорчен. После такого разочарования не хочется жить.

Диктатор счел своим долгом подлить масла в огонь: он предложил позвать полицию, и глаза у старикашки Бассета так и загорелись. Позвать полицию! Что может быть любезней сердцу мирового судьи? Он весь подобрался, как тигр, почуявший запах крови. И все же сокрушенно покачал головой:

– Нет, Родерик, не могу. Ведь сегодня самый счастливый день в моей жизни.

Диктатор скривил губы, явно желая сказать, что день станет еще счастливей, если арестуешь жулика.

– Да послушайте наконец, – пролепетал я, – это чистейшее недоразумение.

– Ха! – возгласил Диктатор.

– Я подумал, что это мой зонт.

– Вот в этом-то и состоит ваша беда, молодой человек, – изрек папаша Бассет. – Вы совершенно не способны уразуметь разницу между *meum*⁶ и *tuum*.⁷ Так и быть, на сей раз я отпущу вас с миром, но советую вести себя очень осмотрительно. Идемте, Родерик.

Они потопали прочь, но в дверях Диктатор еще раз смерил меня взглядом и снова издал свое «Ха!».

⁵ ...подняться в высшие пределы. – Образ из поэмы Альфреда Теннисона (1809–1892) «In Memoriam» (1850).

⁶ Мое (лат.).

⁷ Твое (лат.).

Можете себе представить, какое гнетущее впечатление произвел этот инцидент на человека с тонкой душевной организацией. Первым моим побуждением было плюнуть на теткинскую комиссию и поскорее домой, пропустить еще стаканчик живительного эликсира. Душа жаждала его, как та самая лань, которая желает к потокам воды,⁸ или как там еще сказано. Каким надо быть кретином, чтобы выйти из дому, приняв всего одну порцию! Я хотел уже слинять и со всех ног – к животворящему источнику, но тут из задней комнаты вышел хозяин, впустив в лавку густую волну мясных запахов и рыжего кота, и обратился ко мне с вопросом, чем может служить. Увы, он напомнил мне о цели моего визита, и я ответил, что, насколько мне известно, у них в лавке продается сливочник работы восемнадцатого века.

Хозяин отрицательно помотал головой. Унылый такой замшелый старичок, чуть не весь скрыт седыми космами бороды.

– Опоздали, сударь. У него уже есть покупатель.

– Не мистер ли Траверс?

– Угу.

– Тогда все в порядке. Узнай, о муж приветливый и величавый, – продекламировал я, желая его задобрить, – что упомянутый тобою Траверс – мне дядя. Он попросил меня взглянуть на сливочник. Так что извольте показать. Представляю, какая это немыслимая рухлядь.

– Корова очень красивая.

– Ха! – бросил я, подражая интонациям Диктатора. – Это *вы* считаете ее красивой. Важно, что скажу я.

Признаюсь честно, что в старинном серебре я ничего не смыслю, увлечение дядюшки всегда считал чудачеством, которому он зря потакает, эта страсть может завести его бог знает как далеко; впрочем, я щадил его чувства и своего мнения никогда не высказывал. Я, конечно, и не ждал, что означенная корова приведет меня в восторг, но когда брадатый старец вынырнул из тьмы, в которой скрылся минуту назад, и показал мне свой экспонат, я чуть не расхохотался. Потом мне захотелось плакать. И за такое уродство мой дядюшка готов выложить чертову прорву денег! Нет, это удар ниже пояса.

Передо мной была серебряная корова. Я назвал предмет коровой, но не спешите представить себе симпатичное, полное чувства собственного достоинства травоядное, вроде тех, что мирно пасутся неподалеку на лугу. Это вульгарное, хамское отродье принадлежало к темному уголовному миру, именно такие плебеи шляются по улицам и сплевывают себе под ноги. Высокой тварь была около четырех дюймов, дюймов шесть в длину. На спине откидная крышка, хвост загнут кверху и касается кончиком хребта – надо полагать, эта петля служила ручкой для любителей сливок. При виде ее я словно опустился на самое дно общества.

Поэтому мне не составило ни малейшего труда выполнить наставления тетушки Далии. Я скривил губы, презрительно сморщил нос и с отвращением фыркнул. Все это означало, что корова произвела в высшей степени отталкивающее впечатление, и замшелый старикан дернулся, будто ему нанесли удар в самое сердце.

– Нет, нет, нет и еще раз нет! Что за монстра вы мне принесли? Уберите с глаз долой, смотреть противно, – повелел я, кривясь и фыркая. – Вас надули. Корова...

– Надули?

– Вот именно – надули. Корова слишком молода.

– Слишком молода? – Кажется, у него даже пена показалась изо рта, впрочем, не уверен. Но все равно он был потрясен до глубины души, это несомненно. – Как это возможно – слишком молода? Мы современными подделками не торгуем. Вещь восемнадцатого века. Вот клеймо, смотрите!

– Не вижу никакого клейма.

⁸ ...желает к потокам воды... – Псалтирь, 41:2.

– Вы что, слепой? Тогда выйдите на улицу, там светлее.

– Пожалуй, – согласился я и вальяжно двинулся к двери – ну просто величайший знаток старинного серебра, досадующий, что у него попусту отнимают время.

Вальяжно я сделал всего несколько шагов, потому что мне под ноги попался кот и я чуть не упал. С трудом удержавшись на ногах, вылетел из лавки, точно вор, за которым гонится полиция. Корова выскользнула из рук, а я, к счастью, столкнулся с прохожим, иначе грохнуться бы мне в канаву.

Ох, напрасно я сказал «к счастью», потому что прохожим оказался сэр Уоткин Бассет. Он столбом стоял в своем пенсне, с ужасом и негодованием выпучив глаза, я словно бы видел, как он погибает один за другим пальцы на руке. Так, сначала сумочки воровал, потом зонты, теперь антикварную лавку ограбил. Весь вид папаша Бассета выражал, что чаша его терпения переполнилась.

– Полиция! Родерик, зовите полицию! – завопил он и отпрыгнул в сторону.

Диктатор рад стараться.

– Полиция! – гаркнул он.

– Полиция! – верещал папаша Бассет козлетоном.

– Полиция! – рыкнул Диктатор чуть ли не в субконтр-октаве.

В тумане замаячило что-то огромное и спросило:

– Что тут происходит?

Конечно, пожелай я задержаться и вступить в беседу, я все бы объяснил, но у меня не возникло желания задержаться и вступить в беседу. Боком, боком в сторону, потом со всех ног наутек – только меня и видели. «Стой!» – раздался крик, но так я и остановился, ждите. Тоже мне, нашли дурака. Я бежал улочками и переулками и наконец оказался неподалеку от Слоунсквер. Там сел в такси, и оно повезло меня в цивилизованный мир.

Сначала я решил заехать в «Трутни» и перекусить, но очень скоро понял, что такое испытание сейчас не по мне. Я чрезвычайно высокого мнения о клубе «Трутни» – этот блеск остроумия, дух товарищества, атмосфера, впитавшая все самое лучшее и талантливое, чем может гордиться Лондон, – однако сидящие за столом, я знал, будут кидаться друг в друга хлебом, а мне в моем нынешнем состоянии летающий хлеб категорически противопоказан. И, мгновенно изменив планы, я велел шоферу везти себя в ближайшие турецкие бани.

В турецких банях я люблю нежиться подолгу, и потому воротился домой уже к вечеру. Мне удалось поспать часика три в моей кабинке, а после того, как с меня сошло семь потов в исцеляющей все недуги парной и я окунулся в ледяной бассейн, мое лицо заиграло прежними здоровыми красками. Весело напевая, я отпер дверь своей квартиры и вошел в гостиную.

И тут моя радость вмиг улетучилась: на столе лежала пачка телеграмм.

Глава II

Не знаю, слышали ли вы из моих уст о прежних похождениях вашего покорного слуги и Гасси Финк-Ноттла, а если слышали, хватило ли у вас терпения дослушать все до конца, но если вам все же знакома та история, вы, несомненно, помните, что неприятности тогда начались со шквального огня телеграмм, и, естественно, не удивитесь моему признанию, что я глядел на гору телеграфных бланков без всякого удовольствия. Вид телеграммы – много ли их или хотя бы одна – вызывает у меня предчувствие беды.

Сначала мне показалось, что этих окаянных вестников Судьбы десятка два, не меньше, но при внимательном рассмотрении насчитал три штуки. Все были отправлены из Тотли, и все подписаны одним именем.

Я прочел первую:

*«Вустеру
Беркли-Мэнинс
Беркли-сквер
Лондон*

*Приезжай немедленно. Мы с Мадлен серьезно поссорились.
Жду ответа.*

Гасси».

Потом вторую:

*«Удивлен, что нет ответа на мою телеграмму, в которой прошу
приехать немедленно. Мы с Мадлен серьезно поссорились. Жду ответа.
Гасси».*

И, наконец, третью:

*«Берти, скотина, почему не отвечаешь на мои телеграммы? Послал
тебе сегодня две с просьбой приехать немедленно, мы с Мадлен серьезно
поссорились. Брось все и поскорей приезжай, постарайся помирить нас, иначе
свадьба не состоится. Жду ответа.
Гасси».*

Я уже сказал, что пребывание в турецких банях отлично восстановило *mens sana in corpore*⁹ – не помню, что там дальше. Эти отчаянные призывы свели все на нет. Увы, мои дурные предчувствия оправдались. Когда я увидел гнусные бланки, внутренний голос прошептал: «Ну вот, опять начинается свистопляска» – и угадал: свистопляска действительно началась.

Услышав знакомые шаги, из глубины квартиры возник Дживс. Один-единственный взгляд – и он понял: дела у его хозяина плохи.

– Вы заболели, сэр? – участливо спросил он.

Я рухнул на стул и в волнении потер лоб.

– Нет, Дживс, я не заболел, но настроение препакостное. Вот, прочтите.

Он пробежал глазами листки и вернул их мне; я почувствовал в его манере почтительную тревогу, вызванную угрозой разрушить мирное течение жизни его господина.

– В высшей степени неприятно, сэр, – задумчиво произнес Дживс. Конечно, он проник в самую суть. Он не хуже меня понимал, какие невзгоды сулят эти злополучные телеграммы.

⁹ Здоровый дух в теле (лат.).

Обсуждать положение дел мы, конечно, не стали, это бы значило упоминать имя женщины без должного уважения, но Дживсу известны все перипетии запутанной истории Бассет – Вустер, и он, как никто другой, видит, что добра от семейки Бассет не жди. Он и без слов знает, почему я сейчас нервно закурил и по-бульдожьки выдвинул вперед нижнюю челюсть.

– Как вы думаете, Дживс, что там у них стряслось?

– Не отважусь строить предположения, сэр.

– Он говорит, свадьба может сорваться. Почему? Я все время задаю себе этот вопрос.

– Именно, сэр.

– Не сомневаюсь, что и вы его себе задаете.

– Именно так, сэр.

– Тайна, покрытая мраком, Дживс.

– Глубочайшим мраком, сэр.

– С уверенностью можно утверждать лишь одно: Гасси снова угораздило ляпнуться в лужу; что именно он натворил – мы, надо полагать, вскорости узнаем.

Я погрузился в воспоминания об Огастусе Финк-Ноттле. Сколько я его помню, он бил рекорды по части тупости. Достойнейшие из судей давно вручили ему пальму первенства. Да что там, даже в закрытой школе, где я с ним познакомился, его иначе как Балдой не называли, хотя конкурентов было немало, например Бинго Литтл, Фредди Твистлтон, я.

– Дживс, что мне делать?

– Думаю, сэр, самое правильное – ехать в Тотли-Тауэрс.

– Да разве это мыслимо? Старик Бассет меня на порог не пустит.

– Может быть, сэр, стоит послать телеграмму мистеру Финк-Ноттлу и сообщить о вашем затруднении. Возможно, он найдет способ его разрешить.

Здравая мысль. Я поспешил на почту и отправил телеграмму следующего содержания:

*«Финк-Ноттлу
Тотли-Тауэрс
Тотли*

*Хорошо тебе требовать «Приезжай немедленно», а как я приеду, черт вас всех поберет?! Ты ведь не знаешь, какие у нас с папашей Бассетом отношения. Кого он меньше всего ждет к себе с визитом, так это Бертрама Вустера. При виде меня взбесится и спустит собак. Не предлагай мне наклеивать фальшивые усы и явиться под видом водопроводчика проверять канализацию – этот гад слишком хорошо меня помнит и сразу же разоблачит самозванца. Что делать? Что там у вас стряслось? Что значит «серьезно поссорились»? Из-за чего? Почему свадьба под угрозой? Как ты вел себя с барышней? И вообще, какого черта? Жду ответа.
Берти».*

Ответ пришел во время ужина.

*«Вустеру
Беркли-Мэнинс
Беркли-сквер
Лондон*

Дело непростое, но надеюсь уладить. Отношения с Мадлен натянутые, но пока мы разговариваем. Скажу ей, что получил от тебя важное

*письмо, в котором ты просишь позволения приехать. Жди в скором времени приглашения.
Гасси».*

Утром, проворочавшись всю ночь без сна, я получил не одно, а несколько этих самых приглашений.

Вот первое:

*«Все удалось уладить. Приглашение отправлено. Пожалуйста, привези с собой книгу „Мои друзья тритоны“, автор Лоретта Пибоди, издательство „Попгуд и Грули“, можно купить в любом книжном магазине.
Гасси».*

Второе:

*«Берти, дорогой, слышала, Вы едете сюда. Страшно рада, Вы можете оказать мне важную услугу.
Стифффи».*

Третье:

*«Берти, пожалуйста, приезжайте, если Вам хочется, но мудро ли это? Боюсь, встреча со мной причинит Вам ненужную боль. Зачем сыпать соль на раны?
Мадлен».*

В эту минуту Дживс принес мне утренний чай, и я молча протянул ему послания. Он так же молча прочел их. Я успел выпить полчашки горячего, вселяющего бодрость напитка, прежде чем он наконец изрек:

- Мне кажется, сэр, надо ехать немедленно.
- Да, Дживс, видно, придется.
- Я начну укладывать вещи. Прикажете позвонить миссис Траверс?
- Зачем?
- Она сегодня уже несколько раз звонила.
- Вот как? Тогда, пожалуй, стоит ей отзвонить.
- По-моему, сэр, эта необходимость отпала. Кажется, ваша тетушка явилась собственной персоной.

Раздался долгий пронзительный звонок, – видно, тетушка нажала кнопку у парадной двери и не желала ее отпускать. Дживс исчез, и минуту спустя я убедился, что чутье его не обмануло. Комнаты заполнил громоподобный голос, тот самый голос, при звуках которого члены охотничьих обществ «Куорн» и «Пайчли»¹⁰ некогда подсакивали в седлах и хватались за шапочки, ибо он возвещал, что неподалеку показалась лиса.

- Что, Дживс, этот гончий пес еще не проснулся?.. Ага, вот ты где.

Тетя Далия ворвалась ко мне в спальню.

Лицо у нее и всегда пылало румянцем, ведь она страстная охотница и с молодых ногтей не пропускает ни единой лисей травли, самая клятая погода ей нипочем, но сейчас она была просто багровая. Дышала прерывисто, в горящих глазах детская обида. Человек куда менее проницательный, чем Бертрам Вустер, догадался бы, что тетушка в расстроенных чувствах.

Я видел, ее просто распирает обрушить на меня новости, с которыми она пришла, однако она сдержалась и начала распекать меня, что, мол, на дворе день, а я все еще валяюсь в постели. «Дрыхнешь, как свинья», – заключила она со свойственной ей резкой манерой выразиться.

¹⁰ «Куорн» и «Пайчли» – старинные английские охотничьи общества, существующие с XVIII в.

– Я вовсе не дрыхну, – возразил я. – Давным-давно проснулся. И, кстати, собирался завтракать. Надеюсь, вы составите мне компанию? Яичница с ветчиной, само собой разумеется, но если пожелаете, вам подадут копченую селедку.

Она оглушительно фыркнула – вчера утром я от такого звука просто испустил бы дух. Сейчас я почти оправился после попойки, но все равно мне показалось, что прямо в спальне взорвался газ и погибло несколько человек.

– Яичница! Копченая селедка! Мне сейчас нужен бренди с содовой. Вели Дживсу принести. Если он забудет про содовую, я не рассержусь. Берти, произошла катастрофа.

– Идемте в столовую, моя дражайшая дрожащая осинка, – предложил я. – Там нам не помешают. А здесь Дживс будет складывать вещи.

– Ты уезжаешь?

– Да, в Тотли-Тауэрс. Я получил чрезвычайно неприятное...

– В Тотли-Тауэрс? Ну и чудеса! Именно туда я и хотела тебя немедленно послать, затем и приехала.

– Как так?

– Это вопрос жизни и смерти.

– Да о чем вы?

– Скоро поймешь, я тебе все объясню.

– Тогда немедленно в столовую, мне не терпится узнать. Ну вот, рассказывайте, моя дражайшая таинственная родственница, – сказал я, когда Дживс поставил на стол завтрак и удалился. – Выкладывайте все без утайки.

С минуту в тишине раздавались одни только мелодичные звуки: тетушка пила свой бренди с содовой, а я кофе. Но вот она опустила руку со стаканом и глубоко вздохнула.

– Берти, для начала я коротко выскажу свое отношение к сэру Уоткину Бассету, кавалеру ордена Британской империи второй степени. Да нападет на его розы тля. Пусть в день званого обеда его повар напьется как сапожник. Пусть все его куры заболеют вертячкой.

– А что, он кур разводит? – поинтересовался я, решив взять эти сведения на заметку.

– Пусть бачок в его уборной вечно течет на его лысину, пусть термиты, если только они водятся в Англии, сгрызут фундамент Тотли-Тауэрс до последней крошки. А когда он поведет к алтарю свою дочь Мадлен, чтобы ее обвенчали с этим кретином Виски-Боттлом, пусть в церкви на него нападет неудержимый чих, а платка в кармане не окажется.

Она перевела дух, а я подумал, что все ее пламенные заклинания отнюдь не прояснили сути дела.

– Великолечно, – сказал я. – Присоединяюсь ко всем вашим пожеланиям. Однако чем старый хрыч перед вами провинился?

– Сейчас расскажу. Помнишь сливочник, ну, ту серебряную корову?

Я хотел подцепить на вилку кусок яичницы, но рука у меня задрожала.

Помню ли я корову? Да я ее до смертного часа не забуду.

– Вы не поверите, тетя Даля, но когда я появился в лавке, то встретил там этого самого Бассета, просто невероятное совпадение...

– Ничего невероятного в этом совпадении нет. Он пришел туда посмотреть сливочник, убедиться, что Том был прав, когда его расхваливал. Потому что этот кретин – я имею в виду твоего дядюшку – рассказал Бассету о корове. Уж ему-то следовало знать, что этот изверг измыслит какое-нибудь гнусное злодейство и погубит его. Так и случилось. Вчера Том обедал с сэром Уоткином Бассетом в его клубе. Среди закусок были холодные омары, и вероломный Макиавелли соблазнил Тома попробовать.

Я широко открыл глаза, отказываясь верить.

– Неужели вы хотите сказать, что дядя Том ел омаров? – с ужасом спросил я, зная, какой чувствительный у дядюшки желудок и как бурно он реагирует на недостаточно деликатную пищу. – И это после того, что случилось на Рождество?

– Том поддался уговорам негодяя и съел не только несколько фунтов омаров, но и целую грядку свежих огурцов. Судя по его рассказу – а рассказал он мне все лишь нынче утром, вчера, вернувшись домой, он только стонал, – сначала он отказывался. Решительно, наотрез. Но в конце концов не выдержал давления обстоятельств и уступил. В клубе Бассета, как и еще в нескольких других клубах, посреди обеденной залы стоит стол, уставленный закусками, и где бы вы ни расположились, они вам буквально мозолят глаза.

Я кивнул:

– В «Трутнях» то же самое. Однажды Китекэт Поттер-Перебрайт, сидя у окна в углу, шесть раз подряд попал булочками в пирог с дичью.

– И это погубило беднягу Тома. Перед змеиными уговорами Бассета он бы легко устоял, но вид омаров был слишком соблазнителен. И он не выдержал искушения, набросился на них, как голодный эскимос, а в шесть часов мне позвонил швейцар и попросил прислать машину, чтобы забрали несчастного, который корчился в библиотеке, забившись в угол, его там обнаружил мальчик-слуга. Через полчаса Том прибыл домой и жалобным голосом попросил соды. Нашел лекарство – соду! – Тетушка Далия саркастически расхохоталась. – Пришлось вызвать ему двух врачей, делали промывание желудка.

– А тем временем... – подсказал я, уже догадавшись, каково было дальнейшее развитие событий.

– Тем временем злодей Бассет со всех ног в лавку и купил корову. Хозяин обещал Тому не продавать ее до трех часов дня, но пробило три, а Том не появился, корову захотел приобрести другой покупатель, и он ее, конечно, продал. Вот так-то, племянничек дорогой. Владелец коровы стал Бассет, вчера вечером он увез ее в Тотли.

Что и говорить, печальная история, к тому же подтверждает мое мнение о папаше Бассете: мировой судья, который оштрафовал молодого человека на пять фунтов за невиннейшую шалость, вместо того чтобы просто отечески пожурить, способен на все; однако я не представлял себе, каким образом тетюшка хочет исправить положение. Я убежден, что в таких случаях остается лишь стиснуть зубы, молча возвести глаза к небу, постараться все забыть и начать новую жизнь. Так я ей и сказал, намазывая тост джемом.

Она вонзила в меня взгляд.

– Ах вот, значит, как ты относишься к этому возмутительному происшествию?

– Да, именно так я к нему отношусь.

– Надеюсь, ты не станешь отрицать, что, согласно всем человеческим законам, корова принадлежит Тому?

– Разумеется, не стану.

– И тем не менее спокойно примешь это вопиющее беззаконие? Позволишь, чтобы кража сошла мошеннику с рук? На твоих глазах произошло одно из самых гнусных преступлений, которые несмываемым позором ложатся на историю цивилизованных государств, а ты лишь разводишь руками и вздыхаешь – дескать, как досадно, не желаешь даже пальцем шевельнуть.

Я вдумался в ее слова.

– «Как досадно»? Нет, тут вы, пожалуй, не правы. Я признаю, что случившееся требует куда более энергичных комментариев. Но никаких действий я предпринимать не буду.

– Ну что ж, тогда действовать буду я. Я выкраду у него эту окаянную корову.

Я в изумлении вытаращил глаза. Упрекать тетюшку я не стал, но мой взгляд ясно говорил: «Опомнитесь, тетенька!» Согласен, гнев ее был более чем праведен, но я не одобряю насильственных действий. Надо пробудить ее совесть, решил я, и только хотел деликатно осведо-

миться, а что подумают о таком поступке члены охотничьего общества «Куорн» – кстати, и о «Пайчли» тоже забывать не следует, – как вдруг она объявила:

– Нет, выкрадешь ее ты!

Я только что закурил сигарету и, если верить рекламе, должен был почувствовать блаженную беззаботность, но, видно, мне попался не тот сорт, потому что я вскочил со стула, будто кто-то воткнул снизу в сиденье шило.

– Я?!

– Именно ты. Смотри, как все удачно складывается. Ты едешь гостить в Тотли. Там тебе представится множество великолепных возможностей незаметно похитить сливочник...

– Ни за что!

– ...и отдать его мне, иначе я не получу от Тома чек на публикацию романа Помоны Грайндл. Настроение у него сквернейшее, и он мне откажет. А я вчера подписала с ней договор, согласилась на баснословный гонорар, причем половина суммы должна быть выплачена в виде аванса ровно через неделю. Так что в бой, мой мальчик. Не понимаю, зачем делать из мухи слона. Не о такой уж великой услуге просит тебя любимая тетка.

– Такую услугу я не могу оказать даже любимой тетке. Я и в мыслях не допускаю...

– Допускаешь, мой птенчик, еще как допускаешь, а если нет – сам знаешь, что тебя ждет. – Она многозначительно помолчала. – Вы следите за развитием моей мысли, Ватсон?

Я был просто убит. Слишком прозрачным оказался ее намек. Не в первый раз она давала мне почувствовать, что под стальной перчаткой у нее бархатная рука – то есть именно наоборот.

Моя жестокосердная тетушка владеет могучим оружием, которое постоянно держит над моей головой, как меч над головой этого... как его? – черт, забыл имя того бедолаги, Дживс знает, – и вынуждает меня подчиняться своей воле: это оружие – угроза отлучить меня от своего стола и, соответственно, от деликатесов Анатоля. Нелегко забыть то время, когда она на целый месяц закрыла передо мной двери своего дома, да еще в самый разгар сезона охоты на фазанов, из которых этот чародей творит нечто волшебное.

Я предпринял еще одну попытку урезонить тетушку.

– Ради Бога, зачем дяде Тому эта кошмарная корова? На нее смотреть противно. Ему без нее будет гораздо лучше.

– Он так не считает. И довольно об этом. Сделай для меня это пустячное одолжение, иначе гости за моим столом начнут спрашивать: «А что это мы совсем перестали встречать у вас Берти Вустера?» Кстати, какой восхитительный обед приготовил вчера Анатоль! Ему поистине нет равных. Не удивляюсь, что ты такой поклонник его стряпни. «Она буквально тает во рту» – это твоё выражение.

Я сурово посмотрел на нее:

– Тетя Далия, это что – шантаж?

– Конечно, ты разве сомневался? – И она унеслась прочь.

Я снова опустился на стул и принялся задумчиво жевать остывший бекон.

Вошел Дживс:

– Чемоданы уложены, сэр.

– Хорошо, Дживс, – вздохнул я. – Едем.

* * *

– Всю свою жизнь, Дживс, – сказал я, прервав молчание, которое длилось восемьдесят семь миль, – всю свою жизнь я попадаю в самые абсурдные передрыги, но такого сумасшедшего дома, как нынче, я и представить себе не мог.

Мы катили в моем добром старом спортивном автомобиле, приближаясь к Тотли-Тау-эрсу: я за рулем, Дживс рядом, чемоданы сзади на откидном сиденье. Мы тронулись в путь в половине двенадцатого, и сейчас солнце сияло особенно весело на ясном предвечернем небе. Был погожий благодатный денек, уже по-осеннему свежий и приятно бодрящий, при других обстоятельствах бы без умолку болтал, приветственно махал встречным сельским жителям, может быть, даже напевал что-нибудь бравурное.

При других обстоятельствах... Если что и невозможно было изменить, так это обстоятельства, поэтому никакого бравурного пения с моих уст не срывалось.

– Да, такого я и представить себе не мог, – повторил я.

– Прошу прощения, сэр?

Я нахмурился. Дживс решил дипломатничать, но время для своих шуточек выбрал на редкость неудачное.

– Перестаньте притворяться, Дживс, – сухо сказал я, – вам все отлично известно. Во время моего разговора с теткой вы были в соседней комнате, а ее реплики вполне можно было услышать на Пиккадилли.

Дживс оставил свои дипломатические уловки.

– Да, сэр, должен признать, суть беседы от меня не ускользнула.

– Давно бы так. Вы согласны, что положение аховое?

– Не исключаю, сэр, что обстоятельства, в которые вы попадете, могут оказаться весьма и весьма щекотливыми.

Меня одолевали мрачные предчувствия.

– Если бы начать жизнь заново, Дживс, я предпочел бы родиться сиротой и не иметь ни одной тетки. Это турки сажают своих теток в мешки и топят в Босфоре?

– Насколько я помню, сэр, топят они не теток, а одалисок.

– Странно, почему теток не топят? Сколько от них зла во всем мире! Каждый раз, как ни в чем не повинный страдалец попадает в безжалостные когти Судьбы, виновата в этом, если копнуть поглубже, его родная тетка, это говорю вам я, Дживс, можете кому угодно повторить со ссылкой на меня.

– Над этим стоит задуматься, сэр.

– Не пытайтесь убеждать меня, что есть тетки плохие, а есть хорошие. Все они, если приглядеться, одинаковы. Ведьминское нутро рано или поздно проявится. Возьмите нашу тетушку Далию, Дживс. Я всегда считал ее воплощением порядочности и благородства, и чего она требует от меня сейчас? Обществу известен Вустер, срывающий с полицейских каски. Потом Вустера обвинили в том, что он ворует сумочки. Но этого мало, тетке захотелось познакомить мир с Вустером, который приезжает погостить в дом мирового судьи и в благодарность за его хлеб-соль крадет у него серебряную корову. Какая гадость! – праведно негодовал я.

– Очень неприятное положение, сэр.

– А интересно, Дживс, как примет меня старикашка Бассет?

– Будет любопытно наблюдать за его поведением, сэр.

– Не выгонит же он меня, как вы думаете? Ведь я как-никак получил приглашение от мисс Бассет.

– Конечно, не выгонит, сэр.

– Однако вполне возможно, что он глянет на меня поверх пенсне и с презрением хмыкнет. Не слишком вдохновляющая перспектива.

– Да уж, сэр.

– Я что хочу сказать? Ведь и без этой коровы я попал бы в достаточно затруднительные обстоятельства.

– Вы правы, сэр. Осмелюсь поинтересоваться, в ваши намерения входит выполнить пожелание миссис Траверс?

Когда ведешь автомобиль со скоростью пятьдесят миль в час, ты лишен возможности в отчаянии вздеть руки к небу – только так я мог бы выразить обуревавшие меня чувства.

– Никак не могу решить, Дживс. Совсем измучился. Помните того деятеля, которого вы несколько раз цитировали? Ну, он еще чего-то там жаждал, потом про трусость – одним словом, из кошачьей пословицы.

– Вы имеете в виду Макбета, сэр, героя одноименной драмы покойного Уильяма Шекспира. О нем сказано: «В желаниях ты смел, а как дошло до дела – слаб. Но совместимо ль жаждать высшей власти и собственную трусость сознавать? И хочется, и колется, как кошка в пословице».¹¹

– Вот-вот, это про меня. Я сомневаюсь, колеблюсь, – Дживс, я правильно произнес это слово?

– Безупречно правильно, сэр.

– Когда я начинаю думать, что меня отлучат от кухни Анатоля, я говорю себе: была не была, рискну. Потом вспоминаю, что в Тотли-Тауэрсе мое имя и без того смешали с грязью, что старый хрыч Бассет считает меня последним проходимцем, отпетым жуликом, который тащит все, что под руку попадается, если оно только не приколочено гвоздями...

– Прошу прощения, сэр?

– Разве я вам не рассказывал? Мы с ним вчера снова столкнулись, да еще похлеще, чем в прошлый раз. Он меня теперь считает настоящим уголовником, врагом общества номер один, ну, в крайнем случае, номер два.

Я кратко пересказал Дживсу вчерашнее происшествие, и вообразите смятение моих чувств, когда я увидел, что он усмотрел в нем нечто юмористическое. Дживс редко улыбается, но сейчас его губы начала кривить несомненная усмешка.

– Забавное недоразумение, сэр.

– Вы сказали «забавное», Дживс?

Он понял, что его веселье неуместно, мгновенно стер усмешку и вернул на лицо выражение строгое и почтительное.

– Прошу прощения, сэр. Мне следовало сказать «досадное».

– Вот именно.

– Понимаю, каким испытанием оказалась для вас встреча с сэром Уоткином в подобных обстоятельствах.

– Да уж, а если он застучает меня, когда я буду красть его корову, испытание окажется еще более жестоким. Эта картина все время стоит у меня перед глазами.

– Очень хорошо понимаю вас, сэр. «Так малодушничает наша мысль и вянет, как цветок, решимость наша в бесплодие умственного тупика. Так погибают замыслы с размахом, вначале обещавшие успех, от долгих отлагательств».¹²

– В самую точку, Дживс. Именно это я и хотел сказать.

Я погрузился в еще более глубокое уныние.

– Видите ли, Дживс, тут есть еще одно немаловажное обстоятельство. Если я решусь украсть корову, нужно правильно выбрать время. Не подойдешь же к ней у всех на виду и не положишь просто так в карман. Такие операции тщательно обдумывают, заранее планируют, стараются не упустить ни одну мелочь. А мне предстоит полностью сосредоточить умственные способности на примирении Гасси и мисс Бассет.

– Вы правы, сэр. Я понимаю, как все непросто.

¹¹ «...как кошка в пословице». – Цитата из шекспировского «Макбета» (акт I, сц. 7), перевод Б. Пастернака.

¹² «Так малодушничает наша мысль... от долгих отлагательств». – У. Шекспир «Гамлет» (акт III, сц. 1), перевод Б. Пастернака.

– Мало мне с ними забот, так еще Стиффи от меня чего-то добивается. Вы, конечно, помните третью телеграмму из утренней почты. Она от мисс Стефани Бинг, это кузина мисс Бассет и тоже живет в Тотли-Тауэрсе. Вы ее знаете, Дживс. Она обедала у нас дома недели две назад. Небольшого росточка, водоизмещением с наперсток.

– Да, сэр. Я помню мисс Бинг. Очаровательная молодая особа.

– Вполне. Только что ей от меня надо? Вот в чем вопрос. Подозреваю, что-то уж совсем неудобоваримое. Еще и о ней изволь печься. Ну что за жизнь, а, Дживс?

– Понимаю, сэр.

– И все же не будем падать духом, верно, Дживс?

– Совершенно верно, сэр.

За разговором мы ехали с неплохой скоростью, и я не оставил без внимания указатель, на котором значилось «Тотли-Тауэрс, 8 миль». Впереди, окруженный деревьями, показался прекрасный дом.

Я притормозил.

– Ну что, Дживс, достигли цели?

– Хотелось бы надеяться, сэр.

Мы и в самом деле ее достигли. Въехав в ворота и подкатив к парадному крыльцу, мы услышали от дворецкого подтверждение, что перед нами действительно резиденция сэра Уоткина Бассета.

– «Рыцарь Роланд к Темной башне подъехал»,¹³ – неведомо к чему произнес Дживс, вылезая из машины. Я издал неопределенное междометие и тут обратил внимание на дворецкого, который пытался мне что-то втолковать.

Наконец смысл его речей проник в мое сознание: если я желаю видеть обитателей поместья, я выбрал неудачное время для визита, внушал мне он. Сэр Уоткин ушел на прогулку.

– Думаю, он где-нибудь неподалеку с сэром Родериком Сподом.

Я вздрогнул. После злключения в антикварной лавке это имя, как вы сами понимаете, навеки вгрызлось в мою печеньку.

– С Родериком Сподом? Это такая необъятная глыба с крошечными усиками и глазками до того острыми, что открывают устрицы с пятидесяти шагов?

– Он самый, сэр. Он приехал вчера из Лондона вместе с сэром Уоткином. Кажется, мисс Мадлен в комнатах, но отыскать ее будет нелегко.

– А что мистер Финк-Ноттл?

– Видимо, пошел пройтись, сэр.

– Ясно. Ну и отлично. Успею перевести дух.

Удачно, что представилась возможность побыть хоть немного одному: хотелось хорошенько пораскинуть мозгами. И я стал неспешно прогуливаться по веранде.

Весть, что в доме гостит Родерик Спод, оказалась ударом под дых. Я-то думал, что он просто клубный знакомый папаша Бассета, что географически сфера его деятельности ограничивается исключительно Лондоном, и вот поди ж ты – он в Тотли-Тауэрсе. Имея в перспективе угрозу оказаться под неусыпным оком одного только сэра Уоткина, я и то пребывал в сомнениях относительно теткиной комиссии, которая, как и прочие авантюры этой дамы, способна привести в дрожь даже самых отважных, но теперь, узнав, что здесь гостит Диктатор, я откровенно струсил.

Да что говорить, вы и сами все понимаете. Представьте, как почувствовал бы себя герой преступного мира, который приехал в замок Грейндж убить жертву и встретил там не только Шерлока Холмса, решившего провести уикэнд на пленэре, но и Эркую Пуаро.

¹³ «Рыцарь Роланд к Темной башне подъехал»... – Строка, с которой начинается одноименное стихотворение (1855) Роберта Браунинга (1812–1889), взятая им из старой шотландской баллады.

Чем больше я размышлял о теткиной затее украсть корову, тем меньше она мне нравилась. Наверняка можно найти компромисс, надо только как следует постараться. Вот о чем я думал, расхаживая по веранде и глядя себе под ноги.

Старый хрыч Бассет, как я заметил, отлично распорядился своими денежками. Я считаю себя знатоком по части загородных домов и нашел, что эта усадьба отвечает самым строгим требованиям. Живописный фасад, большой парк, идеально подстриженные лужайки, мирный дух старины, как это принято называть. Вдали мычат коровы, блеют овцы, щебечут птицы, вот чуть ли не рядом раздался выстрел охотничьего ружья – кто-то пытается подстрелить зайца. Может быть, в Тотли-Тауэрсе живут злодеи, но все здесь радует глаз, куда ни посмотри.

Я стал прикидывать, сколько лет понадобилось старому грабителю, чтобы скопить деньги на это поместье, приговаривая каждый день к штрафу в пять фунтов, скажем, двадцать человек, и тут мое внимание привлек интерьер комнаты на первом этаже, куда можно заглянуть через открытую стеклянную дверь.

Это была малая гостиная, вам, конечно, доводилось видеть такие, только в этой что-то уж слишком много мебели. Действительно, комната битком набита стеклянными горками, а стеклянные горки битком набиты серебром. Несомненно, передо мной коллекция папаши Бассета.

Я остановился. Что-то неудержимо тянуло меня войти в гостиную. И я вошел и сразу же оказался нос к носу с моей старинной приятельницей – серебряной коровой. Она стояла в маленьком шкафчике прямо возле двери, и я уставился на нее, взволнованно дыша на стекло.

Тут я заметил, что шкафчик не заперт, и в душе у меня забушевала буря.

Я протянул руку и взял корову. Сам не знаю, что было у меня на уме, просто ли хотелось рассмотреть получше это чудище или украсть его. Помню только, что никаких планов и в помине не было. Я по-прежнему пребывал в нерешительности, как та несчастная кошка в пословице.

Судьба не дала мне возможности тщательно проанализировать свои намерения, как выразился бы Дживс, потому что сзади раздался крик: «Руки вверх!», и, обернувшись, я увидел в дверях Родерика Спода. В руках у него был дробовик, и этим дробовиком он нахально целился в третью пуговицу моего жилета. Из этого я заключил, что Родерик Спод относится к классу любителей стрелять с бедра.

Глава III

Я сказал дворецкому, что Родерик Спод способен взглядом открывать устрицы с пятидесяти шагов, и именно такой взгляд он сейчас вонзил в меня. Он был точь-в-точь диктатор, готовый начать расправу со своими политическими противниками, и я понял, что ошибся, когда определил его рост в два метра. Он был чуть не на полметра выше. Желваки на его скулах ходили ходуном.

Я надеялся, что он не оглушит меня своим «Ха!», но он оглушил. А поскольку я еще не вполне овладел своими голосовыми связками, ответной реплики в ожидаемом диалоге не последовало. Все так же сверля меня взглядом, Родерик Спод позвал:

– Сэр Уоткин!

– Да-да, я здесь, иду, что случилось? – донеслось издалика.

– Пожалуйста, поскорее. Я покажу вам нечто любопытное.

У двери возник старикашка Бассет, он поправлял пенсне.

Я видел этого субъекта только в Лондоне, одет он тогда был вполне пристойно, и сейчас признаюсь вам, что, даже попав в предельно дурацкое положение, я не мог не содрогнуться, когда увидел его деревенский наряд. Чем ниже человек ростом, тем крупнее и ярче будут клетки на его костюме, – это аксиома, как выражается Дживс; и действительно, величина клеток на одеянии Бассета была прямо пропорциональна недостающим дюймам роста. В своем твидовом кошмаре он казался изломанным отражением в треснутом зеркале, и, как ни странно, это зрелище успокоило мои нервы. «А плевать на все», – решил я.

– Смотрите! – повелел Спод. – Вы когда-нибудь ожидали подобной наглости?

Старый хрыч Бассет глазел на меня в тупом изумлении.

– Силы небесные! Да это вор, который крал сумочки!

– Именно так. Невероятно, правда?

– Глазам не верю. Он просто преследует меня, будь он трижды проклят! Привязался как репей, проходу от него нет. Как вы его поймали?

– Шел по дорожке к дому, вдруг вижу – кто-то крадется по веранде, потом проскользнул в дверь, ну, я бегом сюда и взял его на мушку. Как раз вовремя подоспел. Он уже начал грабить вашу гостиную.

– Родерик, я вам так признателен. И ведь каков наглец! Казалось бы, после вчерашнего позора на Бромптон-роуд он должен выкинуть из головы свои гнусные замыслы, ан ничуть не бывало – сегодня пройдоха является сюда. Ну, он у меня пожалеет, уж я постараюсь.

– Полагаю, случай слишком серьезный, чтобы вынести ему приговор в порядке упрощенного судопроизводства?

– Могу выписать ордер на его арест. Отведите его в библиотеку, я сейчас им займусь. Придется рассматривать дело на выездной сессии суда присяжных.

– Какой срок ему дадут, как вы полагаете?

– Затрудняюсь ответить, но уж, конечно, не меньше...

– Эй! – вырвалось у меня.

Я хотел поговорить с ними спокойно и вразумительно, объяснить, как только они придут в чувство, что меня в этот дом пригласили, я гость, но почему-то с моих уст сорвался звук, какой могла бы издать на охоте тетя Далия, пожелай она привлечь внимание коллеги из охотничьего клуба «Пайчли», который стоит на другом конце вспаханного поля, эдак в полумиле, и старикашка Бассет отпрянул, будто в глаз ему сунули горящую головешку.

– Чего вы орете? – так отозвался Спод о моем способе извлечения звуков из собственного горла.

– У меня чуть барабанные перепонки не лопнули, пожаловался Бассет.

– Да послушайте! – взмолился я. – Выслушайте меня наконец!

Началась полная неразбериха, все говорили разом, я пытался оправдаться, противная сторона обвиняла меня еще и в том, что я устроил скандал. И тут в самый разгар перепалки, когда мой голос по-настоящему окреп, открылась дверь и кто-то произнес:

– О Господи!

Я обернулся. Эти полураскрытые губы, эти огромные глаза... воздушный, гибкий стан...

Среди нас стояла Мадлен Бассет.

– О Господи! – повторила она.

Признайся я человеку, который видит ее в первый раз, что одна мысль о женитьбе на этой юной особе вызывает у меня непроходящую тошноту, он в изумлении вскинул бы брови к самой макушке и отказался что-либо понять. Возможно, сказал бы: «Берти, вы сами не понимаете своего счастья», потом добавил, что завидует мне. Ибо внешность у Мадлен Бассет чрезвычайно привлекательная, в этом ей не откажешь: стройная, изящная, как дрезденская статуетка – вроде бы я не ошибся, именно дрезденская, роскошные золотые волосы, и вообще все, как говорится, при ней.

Откуда человеку, который видит ее в первый раз, знать о ее слезливой сентиментальности, о том, что она каждую минуту готова засюсюкать с вами, как младенец. А меня от этого тошнит. Не сомневаюсь, такая непременно подкрадется к мужу, когда он ползет к завтраку, у несчастного башка раскалывается после вчерашнего, а она зажмет ему ручками глаза и кокетливо спросит: «Угадай, кто?»

Однажды я гостил в доме одного моего приятеля-молодожена, так его супруга написала в гостиной над камином крупными буквами, не заметить надпись мог только слепой: «Это гнездышко свили двое влюбленных голубков», и я до сих пор не могу забыть немое отчаяния, которым наполнялись глаза ее дражайшей половины каждый раз, как он входил в гостиную. Не стану доказывать с пеной у рта, что, обретя статус замужней дамы, Мадлен Бассет дойдет до столь пугающих крайностей, однако и не исключаю подобной возможности.

Она смотрела на нас, хлопая своими большими глазами с кокетливым недоумением.

– Что за шум? – спросила она. – Берти, голубчик! Когда вы приехали?

– Привет. Приехал я только что.

– Приятная была поездка?

– Да, очень, спасибо. Я прикатил в автомобиле.

– Наверное, страшно устали.

– Нет, нет, благодарю вас, нисколько.

– Что же, скоро будет полдник. Я вижу, вы знакомы с папой.

– Да, я знаком с вашим папой.

– И с мистером Сподом тоже.

– И с мистером Сподом знаком.

– Не знаю, где сейчас Огастус, но к полднику он обязательно появится.

– Буду считать мгновенья.

Старик Бассет ошарашенно слушал наш светский обмен любезностями, только время от времени разевал рот, точно вытащенная из пруда рыбина, которая вдруг усомнилась, а стоило ли глотать наживку. Конечно, я понимал, какой мыслительный процесс происходит сейчас в его черепушке. Для него Бертрам Вустер – отребье общества, ворующее у приличных людей сумки и зонты, и что самое скверное – он ворует их бездарно. Какому отцу понравится, что его единственная дочь, его ненаглядное сокровище, якшается с преступником?

– Ты что же, знакома с этим субъектом? – спросил он.

Мадлен Бассет рассмеялась звонким серебристым смехом, из-за которого, в частности, ее не переносят представительницы прекрасного пола.

– Еще бы! Берти Вустер мой старый добрый друг. Я тебе говорила, что он сегодня придет.

Старик Бассет, видимо, не врубился. Как не врубился, судя по всему, и Спод.

– Мистер Вустер твой друг?

– Конечно.

– Но он ворует сумочки.

– И зонты, – дополнил Спод с важным видом – ну прямо личный секретарь его величества короля.

– Да, и зонты, – подтвердил папаша Бассет.

– И к тому же средь бела дня грабит антикварные лавки.

Тут не врубилась Мадлен. Теперь соляными столбами стояли все трое.

– Папа, ну что ты такое говоришь!

Старик Бассет не желал сдаваться.

– Говорю тебе, он жулик. Я сам поймал его на месте преступления.

– Нет, это я поймал его на месте преступления, заспорил Спод.

– Мы оба поймали его на месте преступления, – великодушно уступил Бассет. – Он орудует по всему Лондону. Стоит там появиться, как сразу же наткнешься на этого негодяя: он у вас или сумочку украдет, или зонт. А теперь вот объявился в глостерширской глуши.

– Какая чепуха! – возмутилась Мадлен.

Нет, довольно, пора положить конец этому абсурду. Еще одно слово об украденных сумочках – и я за себя не отвечаю. Конечно, никому и в голову не придет, что мировой судья способен помнить в подробностях все дела, которые он рассматривал, и всех нарушителей, удивительно, что он вообще запоминает их лица, – однако это не повод проявлять по отношению к нему деликатность и спускать оскорбления безнаказанно.

– Конечно, чепуха! – закричал я. – Дурацкое, смехотворное недоразумение!

Я свято верил, что мои объяснения будут иметь куда больший успех. Всего несколько слов – и мгновенно все разъяснится, все все поймут, начнут весело хохотать, хлопать друг друга по плечу, приносить извинения. Но старого хрыча Бассета не так-то легко пронять, он недоверчив, как все мировые судьи при полицейских судах. Душа мирового судьи что кривое зеркало. Старик то и дело прерывал меня, задавал вопросы, хитро шурился. Вы, конечно, догадываетесь, что это были за вопросы, все они начинались с «Минуту, минуту...», «Вы утверждаете, что...», «И вы хотите, чтобы мы поверили...». Ужасно оскорбительно.

И все же после нескончаемых изнурительных препирательств мне удалось втолковать идиоту, как именно обстояло дело с зонтиком, и он согласился, что, возможно, был несправедлив ко мне.

– Ну а сумочки?

– Никаких сумочек никогда не было.

– Но я же приговорил вас за что-то на Бошер-стрит. Как сейчас помню эту сцену.

– Я стащил каску у полицейского.

– Это такое же тяжкое преступление, как кража сумочек.

Тут неожиданно вмешался Родерик Спод. Все время, пока происходило это судилище, – да, пропади оно пропадом, судилище столь же позорное, как суд над Мэри Дугган, – он стоял, задумчиво посасывая дуло своего дробовика, и лицо его яснее слов говорило: «Ври, ври больше, так мы тебе и поверили», но вдруг в его каменном лице мелькнуло что-то человеческое.

– Нет, – произнес он, – по-моему, вы перегибаете палку. Я сам, когда учился в Оксфорде, стащил однажды у полицейского каску.

Вот это номер! При тех отношениях, что сложились у меня с этим субъектом, я меньше всего мог предположить, что и он, так сказать, некогда жил в Аркадии счастливой. Это лишний

раз подтверждает мысль, которую я люблю повторять: даже в самых худших из нас есть крупица добра.

Старик Бассет был явно обескуражен. Однако тут же снова ринулся в бой.

– Ладно, а как вы объясните эпизод в антикварной лавке? А? Разве мы не поймали его в ту самую минуту, когда он убегал с моей серебряной коровой? Что он на это скажет?

Спод, видимо, понял всю серьезность обвинения. Он снова отлепил губы от дула и кивнул.

– Приказчик дал мне ее, чтобы я получше рассмотрел, – коротко объяснил я. – Посоветовал вынести на улицу, там светлее.

– Вы неслись как ошпаренный.

– Я споткнулся. Наступил на кота.

– На какого кота?

– Видимо, среди обслуживающего персонала этого салона есть кот.

– Хм! Не видел никакого кота. А вы, Родерик, видели?

– Нет, котов там не было.

– Ха! Ладно, оставим кота в стороне...

– В стороне кот сам не пожелал остаться, – удачно вернул я со свойственным мне блестящим чувством юмора.

– Кота оставим в стороне, – упрямо повторил Бассет, игнорируя мою шутку, будто и не слышал, – и перейдем к следующему пункту. Что вы делали с серебряной коровой? Вы утверждаете, что рассматривали ее. Хотите, чтобы мы поверили, будто вы любовались этим произведением искусства без всякой корыстной цели? Откуда этот интерес? Каковы были ваши мотивы? Чем может заинтересовать подобное изделие такого человека, как вы?

– Вот именно, – произнес Спод. – Именно этот вопрос хотел задать и я.

Ну зачем он подлил масла в огонь, старый хрыч Бассет только и ждал поддержки. Он до того разыграл, что и впрямь поверил, будто по-прежнему заседает в полицейском суде, провалиться бы ему в тартарары.

– Вы утверждаете, что корову дал вам владелец магазина. А я обвиняю вас в том, что вы украли корову и пытались с ней скрыться. И вот теперь мистер Спод застает вас здесь с коровой в руках. Как вы это объясните? Есть у вас на это ответ? А?

– Да что с тобой, папа? – сказала Мадлен Бассет.

Вероятно, вы удивились, что эта кукла не произнесла ни слова, пока меня форменным образом подвергали допросу. Объясняется все очень просто. Воскликнув «Какая чепуха!» на ранней стадии процедуры, бедняжка вдохнула вместе с воздухом какое-то насекомое и все остальное время прокашляла в уголке. А нам было не до кашляющих девиц, слишком уж накалилась обстановка, так что мы бросили Мадлен на произвол судьбы и сражались, пытаясь решить дело каждый в свою пользу. Наконец она приблизилась к нам, вытирая платочком слезы.

– Бог с тобой, папа, – повторила она, – естественно, первое, что захотел посмотреть Берти, попав к нам в дом, это твое серебро. Еще бы ему им не интересоваться. Ведь Берти – племянник мистера Траверса.

– Что?!

– А ты не знал? Берти, у вашего дяди потрясающая коллекция, правда? Не сомневаюсь, он много рассказывал вам о папиной.

Бассет не отозвался ни словом. Он тяжело дышал. Мне очень не понравилось выражение его лица. Он поглядел на меня, потом на корову, снова на меня и опять на корову, и даже человек куда менее проницательный, чем Берти Вустер, догадался бы, какие мысли ворочаются у него в голове. Попробуйте представить себе неандертальца, который пытается сложить два плюс два, – в точности такой вид был сейчас у сэра Уоткина Бассета.

– А! – вырвалось у него.

Одно лишь это «А!». Но и его было довольно.

– Скажите, могу я послать телеграмму? – спросил я.

– Пошлите по телефону из библиотеки, – предложила Мадлен. – Я провожу вас.

Она отвела меня к аппарату и ушла, сказав, что будет ждать в холле. Я схватил трубку, попросил соединить меня с почтовым отделением и после непродолжительной беседы с местным деревенским дурачком продиктовал телеграмму следующего содержания:

*«Миссис Траверс
47, Чарлз-стрит
Беркли-сквер
Лондон».*

На миг задумался, собираясь с мыслями, потом продолжал:

«Глубоко сожалею, но выполнить Ваше поручение Вы сами знаете какое – невозможно. Ко мне относятся с нескрываемым подозрением, и любое мое действие может привести к роковым последствиям. Знали бы Вы, каким зверем поглядел на меня только что Бассет, когда узнал, что мы с дядей Томом – родня. Напомнил мне дипломата, который увидел, как к сейфу с секретными документами крадется дама под густой вуалью. Я, конечно, очень огорчен и все такое прочее, но дело швах.

*Ваш любящий племянник
Берти».*

* * *

И я направился в холл к Мадлен Бассет.

Она стояла возле барометра, который должен бы показывать не «Ясно», а «Ненастье», имей он хоть каплю соображения; услышав мои шаги, Мадлен устремила на меня такой нежный взгляд, что я похолодел от ужаса. Мысль, что это создание поссорилось с Гасси и не сегодня-завтра вернет ему обручальное кольцо, ввергала меня в панику.

И я решил, что, если несколько мудрых слов, сказанных человеком, который хорошо знает жизнь, способны примирить враждующих, я произнесу эти слова.

– Ах, Берти, – прошептала она, и мне представилась шапка пены, поднимающаяся над пивной кружкой, – ах, Берти, зачем вы только приехали!

Встреча со старикашкой Бассетом и Родериком Сподом произвела на меня столь тягостное впечатление, что я и сам задавал себе этот вопрос. Но я не успел объяснить ей, что это отнюдь не светский визит праздного прожигателя жизни, что Гасси буквально терроризировал меня сигналами бедствия, иначе я бы и на сто миль не приблизился к этому притону злодеев. А она продолжала ворковать, глядя на меня так, будто я тот самый заяц, который вот-вот превратится в гнома.

– Не надо вам было приезжать. Я знаю, знаю, что вы мне ответите. Вам хотелось увидеть меня еще хоть раз, и будь что будет. Вы не могли противиться порыву присоединить к своим воспоминаниям последнее сокровище, чтобы лелеять его в душе всю свою одинокую жизнь. Ах, Берти, вы напомнили мне Рюделя.

Имя было незнакомое.

– Рюделя?

– Сеньора Жоффрея Рюделя, властелина Блейи-анСентонж.

Я покачал головой:

– Боюсь, мы не знакомы. Это ваш приятель?

– Он жил в средние века. Был великий поэт. И влюбился в жену короля Триполи.

Я заерзал от нетерпения. Господи, ну зачем она напускает весь этот туман?

– Он любил ее издали много лет и наконец почувствовал, что не может более противиться Судьбе. Приплыл на своем судне в Триполи, и слуги снесли его на носилках на берег.

– Морская болезнь? – предположил я. – Его так сильно укачало?

– Он умирал. От любви.

– А-а.

– Его отнесли в покои леди Мелисанды, он собрал последние силы, протянул руку и коснулся ее руки. И испустил дух.

Она вздохнула глубоко-глубоко, ну прямо от самого подола, и замолчала.

– Потрясающе, – сказал я, понимая, что надо что-то сказать, хотя лично мне эта история понравилась гораздо меньше, чем анекдот про коммивояжера и дочь фермера. Но если знаешь людей лично, тогда, конечно, другое дело.

Она снова вздохнула.

– Теперь вы понимаете, почему я сказала, что вы напомнили мне Рюделя. Как и он, вы приехали, чтобы в последний раз взглянуть на возлюбленную. Как это прекрасно, Берти, я никогда не забуду. Ваш приезд вечно будет жить в моей душе, как благоуханное воспоминание, как цветок, засушенный между страницами старинного альбома. Но мудро ли вы поступили? Может, стоило проявить твердость духа? Почему не оставили все как есть, ведь мы простились в тот день навсегда в Бринкли-Корте, зачем беречь рану? Да, мы встретились, вы полюбили меня, но я призналась вам, что мое сердце принадлежит другому. Это означало разлуку навек.

– Ну да, само собой разумеется. – До чего здравые речи, любо-дорого слушать. Ее сердце принадлежит другому – расчудесно! Никто не мог обрадоваться этому признанию больше, чем Бертрам Вустер. Суть заключалась в том, что... погодите, а может, вовсе и не в том? Видите ли, я получил телеграмму от Гасси, из которой более или менее явствовало, что вы с ним поссорились.

Она посмотрела на меня с таким выражением, будто только что решила самый сложный кроссворд, где в правом верхнем углу стоит слово «эму».

– Так вот почему вы примчались! Вы подумали, что у вас все еще есть надежда? Ах, Берти, Берти, как это печально... как безумно тяжело. – Ее глаза затуманились от слез и стали размером с глубокую тарелку. – Не сердитесь на меня, Берти, но у вас нет ни малейшей надежды. Не стройте воздушные замки. Вы лишь надорвете себе сердце. Я люблю Огастуса. Он мой избранник.

– Значит, вы не разорвали помолвку?

– Конечно, нет.

– Тогда зачем он мне писал «Мы с Мадлен серьезно поссорились»?

– Ах вот он о чем! – И снова раскатились серебряные колокольчики. – Пустяки. Не стоящая внимания глупость, можно только посмеяться. Малюсенькое, крохотуличное недоразумение. Мне показалось, что он флиртует с кузиной Стефани, и я устроила глупейшую сцену ревности. Но сегодня утром все разъяснилось. Он вынимал у нее из глаза мошку.

У меня было полное законное право разозлиться, ведь меня попусту заставили тащиться черт знает в какую даль, но я не разозлился. Наоборот, у меня от радости крылья выросли. Я уже признавался вам, что телеграммы Гасси потрясли меня до глубины души, я опасался худшего. И вот теперь прозвучал сигнал «Отбой!», я наконец-то получил точные правдивые сведения из первоисточника: у Гасси с этой кисляикой опять все в ажуре.

– Значит, конфликт улажен?

– О, совершенно. Сейчас я люблю Огастуса еще сильнее, чем раньше.

– Вот это да!

– С каждой минутой, что мы проводим вместе, его удивительная душа раскрывается передо мной все полнее, точно редкостный цветок!

– Надо же!

– Каждый день я обнаруживаю в характере этого необыкновенного человека все новые и новые грани... Вы ведь не так давно с ним виделись?

– Да, можно сказать, совсем недавно. Всего лишь позавчера вечером я устроил в его честь ужин в «Трутнях».

– Интересно, вы заметили в нем какую-нибудь перемену?

Я стал припоминать позавчерашнюю попойку. Ничего особенного в Гасси не появилось, все тот же кретин с рыбьей физиономией, что и всегда.

– Перемену? Нет, вроде бы не заметил. Конечно, во время этого ужина у меня не было возможности внимательно наблюдать за ним да еще подвергать все его действия всестороннему анализу, как это принято называть. Сидел он рядом со мной, мы болтали о разных разностях, но ведь вы понимаете, когда выступаешь в роли хозяина, приходится без конца отвлекаться: следишь, чтобы официанты вовремя подавали и наливали, чтобы все гости участвовали в разговоре... чтобы Китекэт Поттер-Перебрайт не передразнивал Беатрис Лилли... словом, сотня обязанностей. Так что я не углядел в нашем друге ничего необычного. Собственно, о какой перемене вы говорили?

– О перемене к лучшему, если только совершенство может стать еще совершенней. Вам никогда не казалось, Берти, что если у Огастуса и есть крошечный недостаток, так это некоторая застенчивость?

Я понял, о чем она.

– А, да, конечно, вы, безусловно, правы. – Мне вспомнилось, как однажды обозвал его Дживс. – Мимоза стыдливая, верно?

– Именно. Берти, а вы, оказывается, знаете Шелли.

– Вы так думаете?

– Гасси всегда представлялся мне нежным цветком, которому не выдержать суровых бурь жизни. Но с недавнего времени – это началось неделю назад, если быть точной, – он начал проявлять, наряду со свойственной ему восхитительной романтической мечтательностью, силу характера, о которой я и не подозревала. Мне кажется, он совершенно утратил свою робость.

– Да, черт возьми, вы правы, – подтвердил я, наконец вспомнив. – На этом ужине он произнес спич, да еще какой! И главное...

Я прикусил язык. А ведь чуть не ляпнул, что Гасси пил только апельсиновый сок и был трезв как стеклышко, не то что тогда в Снодсбери, где он вручал призы школьникам пьяный в стельку: к счастью, я вовремя смекнул, что эти подробности сейчас неуместны. Естественно, ей хочется забыть, как опозорился ее возлюбленный на церемонии.

– А нынче утром, – продолжала она, – он очень резко ответил Родерику Споду.

– Неужто?

– Серьезно. Они о чем-то заспорили, и Огастус посоветовал ему спустить свою голову в унитаз.

– Кто бы мог подумать!

Ну конечно, я ей не поверил. Ха, сказать такое Родерику Споду! Да в его присутствии, будь он тих как ягненок, даже боксер, допускающий любые приемы, оробеет и не сможет отлепить языка от гортани. Нет, она все выдумала.

Разумеется, я понимал, в чем дело. Она пытается оказать моральную поддержку своему жениху и, как все женщины, перегибает палку. Точно так поступают и молодые жены – они пытаются убедить вас, что в душе их Герберта, Джорджа, или как там их мужа зовут, таятся неисповедимые глубины, которых не заметит человек поверхностный и равнодушный. Увы, женщины не знают чувства меры.

Помню, вскоре после свадьбы миссис Бинго Литтл рассказывала, как поэтично ее муж описывает закаты – уж нам-то, самым близким его друзьям, известно, что эта дубина никогда в жизни не любовался закатом, а если ему и случилось по чистейшему недоразумению обратиться внимание на вечернее небо, он наверняка сказал, что оно напоминает ему кусок хорошо прожаренного мяса, другого сравнения он бы просто не нашел.

Однако нельзя же упрекнуть барышню в глаза, что она врёт, поэтому я и произнес:

– Кто бы мог подумать!

– Робость была его единственным недостатком, теперь он просто совершенство. Знаете, Берти, порой я себя спрашиваю, достойна ли я столь возвышенной души?

– И напрасно спрашиваете, – искренне заверил ее я. – Конечно, достойны.

– Как вы добры.

– Ничуть. Вы просто созданы друг для друга. Спросите кого угодно, и вам ответят: вы с Гасси – идеальная пара. Я знаю его с детства, и хорошо бы мне получить по шиллингу за все разы, когда я думал, что его избранница должна быть в точности такой, как вы.

– Правда?

– Клянусь. И когда я познакомился с вами, я мысленно воскликнул: «Вижу! Вижу фонтаны! Там стая китов!»¹⁴ Когда свадьба?

– Двадцать третьего.

– Зачем ждать так долго?

– Вы думаете, это слишком долго?

– Конечно. Женитесь прямо завтра, и дело с концом. Если избранник хоть отдаленно похож на Гасси, не стоит терять ни одного дня. Редкий человек. Необыкновенный. Я им восхищаюсь. А уж уважаю! Другого такого просто нет. Талантище.

Она взяла мою руку и сжала. Меня передернуло, но делать нечего, пришлось стерпеть.

– Ах, Берти! Вы само великодушие!

– Нет, нет, ничуть. Я искренне говорю то, что думаю.

– Я так счастлива... так счастлива, что эта история не повлияла на ваше отношение к Огастусу.

– Ни в коей мере.

– Многие мужчины в вашем положении затаили бы обиду.

– Очень глупо с их стороны.

– Но вы – вы слишком благородны. Вы по-прежнему восхищаетесь им.

– Всей душой.

– Милый, милый Берти!

С этим радостным восклицанием мы расстались, она ушла заниматься домашними делами, а я направился в столовую полдничать. Сама она, как выяснилось, не полдничает – соблюдает диету.

Подойдя к порогу, я протянул руку распахнуть приоткрытую дверь и вдруг услышал голос, который говорил:

– Так что сделайте одолжение, Спод, перестаньте молоть чепуху.

Ошибиться я не мог. С самого детства у Гасси был совершенно особенный, неповторимый тембр голоса: в нем присутствует шипенье газа, вытекающего из трубы, и блеянье овцы, призывающей своих ягнят.

Нельзя было также не понять смысла сказанных слов – никакого иного в них просто не содержалось, и потому признаться, что я удивился, значит ничего не сказать. Хм, вполне возможно, что вздорная история, которую я слышал от Мадлен, не такая уж и выдумка. Если Ога-

¹⁴ «Вижу! Вижу фонтаны! Там стая китов!» – Здесь приведен возглас, каким дозорные китобои оповещали о появлении китов.

стус Финк-Ноттл приказал Родерику Споду перестать молотить чепуху, он вполне мог посоветовать ему спустить свою голову в унитаз.

Я в задумчивости вступил в гостиную.

Не считая довольно невыразительной особы женского пола, которая разливала чай и была то ли золовкой, то ли снохой, в гостиной находились только сэр Уоткин Бассет, Родерик Спод и Гасси. Гасси стоял на коврике перед камином, широко расставив ноги, и нежился у огня, который должен был бы согревать зад хозяину дома, и я сразу понял, почему Мадлен Бассет сказала, что он расстался со своей робостью. Даже от двери чувствовалось, что самоуверенность из него так и прет. Муссолини впору проситься к нему на заочные курсы обучения.

Гасси заметил меня и помахал рукой – как мне показалось, что-то слишком уж покровительственно. Ну прямо почтенный деревенский сквайр, милостиво принимающий депутацию арендаторов.

– А, Берти, это ты.

– Я.

– Входи, тут такие булочки.

– Спасибо.

– Книгу привез? Я тебя просил.

– Прости, пожалуйста, запамятовал.

– Ну, знаешь, такого разяву, такого осла я в жизни не встречал. Но так и быть, дарую тебе жизнь – меня ждут великие свершения.

И, отпустив меня утомленным движением руки, он велел подать себе еще один бутерброд с мясом.

Первое чаепитие в Тотли-Тауэрсе я не включил в число приятных воспоминаний. Приехав в загородный дом, я обычно пью чай с особым удовольствием. Потрескивают дрова в камине, полумрак, запах намазанных сливочным маслом тостов, чувство покоя, уют – вот это жизнь! Я всеми глубинами своего существа отзываюсь на ласковую улыбку хозяйки дома, на заговорщический шепот хозяина, когда он, тронув меня за рукав, приглашает посидеть с ним в охотничьей гостиной и выпить виски с содовой. Тут в Бертраме Вустере просыпается все самое доброе.

Странная манера Гасси разрушила это ощущение *bien-être*,¹⁵ почему-то казалось, он хочет внушить нам, что хозяин дома – он. Наконец все разбрелись, оставив нас вдвоем, и мне стало легче. Здесь все кишмя кишит тайнами, попробую их разведать.

Однако для начала следует установить, на какой стадии находятся отношения Мадлен и Гасси, причем узнать из его собственных уст. Она уверяла меня, что все прекрасно, но в таких делах не грех лишний раз удостовериться.

– Я только что видел Мадлен, – заметил я. – Она мне сказала, что вы по-прежнему жених и невеста. Это верно?

– Конечно. Был небольшой период временного охлаждения из-за того, что я вынимал мушку из глаза Стефани Бинг, ну, я слегка запаниковал и попросил тебя приехать. Надеюсь, ты нас помиришь. Но сейчас такая необходимость отпала. Я занял твердую позицию, и теперь все уладилось. Но уж раз ты приехал, можешь остаться на денекдругой.

– Большое спасибо.

– Надеюсь, ты будешь рад встретить здесь свою тетюшку. Кажется, она приезжает нынче вечером.

Ничего не понимаю. Тетка Агата в больнице, у нее желтуха. Я навещал ее третьего дня, принес цветы. О тетюшке Далии и говорить нечего, она бы известила меня, что планирует высадку в Тотли-Тауэрсе.

¹⁵ Блаженное состояние (фр.).

– Ты что-то перепутал.

– Ничего я не перепутал. Мадлен показала мне телеграмму, которая пришла сегодня утром: миссис Траверс просит приютить ее дня на два-три. Отправлена из Лондона, я обратил внимание, так что сейчас она, надо думать, уже проехала Бринкли.

Я все никак не мог взять в толк, что он такое плетет.

– Ты что же, говоришь о моей тетке Далии?

– Ну конечно, я говорю о твоей тетке Далии.

– То есть она приедет сюда нынче вечером?

– Именно так.

Час от часу не легче! Я закусил губы, не пытаясь скрыть, как сильно я встревожен. Неожиданное решение тетки последовать за мной в Тотли-Тауэрс может означать только одно: хорошенько все обдумав, тетя Далия усомнилась, что у меня хватит воли дойти до победного конца, и сочла необходимым явиться сюда лично, дабы не позволить мне уклониться от выполнения возложенной ею миссии. А поскольку я твердо решил всенепременно уклониться, не избежать мне крупных неприятностей. Боюсь, она поступит с ослушником племянником примерно так, как поступала в былые дни на травле, когда гончей не удавалось выгнать лисицу из норы.

– А скажи, – продолжал Гасси, – громко ли она сейчас говорит? Я почему спрашиваю: если она станет кричать на меня, как на охоте, придется ее круто осадить. Довольно я натерпелся в Бринкли, больше не желаю.

Надо бы как следует обмозговать сквернейшее положение, в котором я оказался и которое приезд тетки еще больше осложняет, но тут я сообразил, что сам Бог велит мне попробовать разгадать одну из бесчисленных загадок.

– Послушай, Гасси, что с тобой произошло? – спросил я.

– А?

– Когда случилась эта перемена?

– Какая перемена?

– Ну вот, например, ты сказал, что придется круто осадить тетю Далию. А в Бринкли ты перед ней как осиновый лист дрожал. Еще один пример: ты велел Споду не молоть чепухи. Кстати, о чем именно он молол чепуху?

– Не помню. Он столько всякой чепухи мелет.

– У меня бы не хватило смелости сказать Споду: «Перестаньте молоть чепуху», – честно признался я.

Моя искренность тут же принесла добрые плоды.

– Ну что ж, Берти, если начистоту, – ответил Гасси, сбрасывая маску, – то неделю назад и у меня бы не хватило смелости.

– А что случилось неделю назад?

– Я пережил духовное возрождение. Благодаря Дживсу. Настоящий гений!

– Вот оно что!

– Мы все словно маленькие дети, которые боятся темноты, а Дживс – мудрый учитель, он берет нас за руку и...

– Зажигает свет?

– Именно. Хочешь послушать, как все было?

Я заверил его, что весь внимание. Устроился поудобнее в кресле, закурил сигарету и приготовился слушать исповедь Гасси.

Гасси сосредоточенно задумался. Я понимал, что он выстраивает в уме факты. Вот он снял очки, протер их.

– Неделю назад, Бerti, – наконец заговорил он, я оказался в полнейшем тупике. Мне предстояло испытание, при одной мысли о котором чернело в глазах. До моего сознания дошло, что после венчания я должен буду произнести во время завтрака спич.

– Как же иначе.

– Знаю, но почему-то я об этом не задумывался, а когда задумался, мне будто кирпич на голову свалился. И знаешь, почему мысль об этом спиче повергла меня в такой кромешный ужас? Потому что среди гостей на завтраке будут Родерик Спод и сэр Уоткин Бассет. Ты хорошо знаешь сэра Уоткина?

– Не очень. Он меня однажды оштрафовал на пять фунтов в полицейском суде.

– Можешь мне поверить: упрям как осел, к тому же нипочем не хочет, чтобы я женился на Мадлен. Во-первых, он спит и видит ее замужем за Сподом, который, должен заметить, любит ее с пеленок.

– В самом деле? – вежливо отозвался я, пытаюсь скрыть изумление по поводу того, что кто-то иной, кроме дипломированного идиота вроде Гасси, способен по доброй воле влюбиться в сию барышню.

– Да. Только она-то хочет выйти замуж за меня, но это еще не все: Спод отказывается на ней жениться. Он, видите ли, возомнил себя Избранником Судьбы¹⁶ и считает, что брак помешает ему выполнить его великое предназначение. В Наполеоны метит.

Тыфу, совсем он меня запутал, надо сначала со Сподом разобраться. Нечего примешивать сюда Наполеона.

– О каком предназначении ты толкуешь? Он что, какая-нибудь важная шишка?

– Ты газет совсем не читаешь, да? Родерик Спод глава и основатель «Спасителей Англии», это фашистская организация, ее чаще называют «Черные трусы». Спод задался целью сделаться диктатором, – если только его сподвижники не раскроют ему череп бутылкой, у них чуть не каждый вечер попойка.

– Вот это фокус!

До чего же я проницателен, сам себе удивляюсь. Как только я увидел Спода, я подумал, вы, надеюсь, помните: «Черт подери, Диктатор!», и он действительно оказался диктатором. Я попал в самую точку, не хуже знаменитых сыщиков, которые увидят идущего по улице человека и методом дедукции определяют, что он удалившийся от дел фабрикант, его предприятия изготавливают тарельчатые клапаны, зовут этого прохожего Робинсон, он страдает от ревматических болей в правой руке, живет в Клапеме.

– Провалиться мне на этом месте! Так я и думал. Бульдोजья челюсть... Сверлящие глазки... И конечно же, усики. Кстати, ты оговорился: не «трусы», а «рубашки».

– Не оговорился. К тому времени, как Спод создал свою организацию, рубашек уже не осталось, он и его приспешники носят черные трусы.

– Наподобие тех, в каких играют футболисты?

– Ага.

– Какая гадость!

– Чего уж гаже.

– Выше колен?

– Выше колен.

– Ну, знаешь!

– Согласен.

Мне закралось в душу подозрение столь ужасное, что я чуть не уронил сигарету.

– Старикашка Бассет тоже носит черные трусы?

– Нет. Он не член «Спасителей Англии».

¹⁶ Избранник Судьбы – название и тема пьесы (1895) Бернарда Шоу (1856–1950), посвященной Наполеону.

– Почему же он тогда якшается со Сподом? Когда я встретил их в Лондоне, они были похожи на двух матросов, получивших увольнение на берег.

– Сэр Уоткин помолвлен с его теткой, некоей миссис Уинтергрин, вдовой полковника Г. Г. Уинтергрин, проживает на Понт-стрит.

Я задумался, восстанавливая в памяти сцену в антикварной лавке.

Когда вы сидите на скамье подсудимых, а мировой судья глядит на вас поверх пенсне и именует «заключенным Вустером», у вас времени хоть отбавляй изучить его, и в тот день на Бошер-стрит мне прежде всего бросилось в глаза, какое брюзгливое выражение было на физиономии сэра Уоткина Бассета. А в антикварной лавке это был счастливцев, поймавший Синюю птицу. Он вился व्यюном вокруг Спода, показывая ему безделушки, и только что не ворковал: «Надеюсь, вашей тетушке это понравится? А как, на ваш взгляд, эта вещица?» Теперь мне стала ясна причина его радостного трепыханья.

– А знаешь, Гасси, – заметил я, – сдается мне, старикашка ей вчера угодил подарком.

– Возможно. Но Бог с ними, не о том речь.

– Конечно. И все-таки забавно.

– Не вижу ничего забавного.

– Нет так нет.

– Не будем отвлекаться, – решил Гасси, призывая собрание к порядку. – На чем я остановился?

– Не помню.

– А, вспомнил. Я рассказал тебе, что сэр Уоткин нипочем не желает, чтобы Мадлен вышла за меня замуж. Спод тоже против этого брака и никогда не пытался этого скрыть. Он выскакивал на меня из-за каждого угла и сквозь зубы бормотал угрозы.

– Н-да, не думаю, чтобы ты был в восторге.

– Какой уж там восторг.

– А зачем он бормотал угрозы?

– Видишь ли, хотя он отказывается жениться на Мадлен, даже если бы она сама согласилась, он все равно считает себя чем-то вроде рыцаря, который служит своей даме. Он все время талдычит, что счастье Мадлен для него превыше всего и что, если я когда-нибудь огорчу ее, он мне шею свернет. Вот какого рода угрозы он мне бормотал и вот почему я слегка занервничал, когда Мадлен стала вести себя со мной холодно после того, как застала меня со Стефани Бинг.

– Давай начистоту, Гасси, чем вы занимались со Стиффи?

– Я доставал у нее из глаза мошку.

Я кивнул. Что ж, если он решил настаивать на этой версии, он, безусловно, прав.

– Ладно, хватит о Спode. Перейдем к сэру Уоткину Бассету. Когда мы с ним только знакомились, я понял, что он не слишком высокого мнения о моей особе.

– Со мной случилось то же самое.

– Как тебе известно, мы с Мадлен обручились в Бринкли-Корте. Поэтому о помолвке папенька узнал из письма, и представляю, в каких восторженных выражениях описала меня моя дорогая невеста, старик наверняка ожидал увидеть красавца вроде Роберта Тейлора, к тому же гениального, как Эйнштейн. Во всяком случае, когда ему меня представили как жениха его дочери, у него глаза чуть не выскочили из орбит и он только пролепетал: «Как, этот?..» С таким видом, будто его разыгрывают, а настоящий жених спрятался за стулом, сейчас выскочит и крикнет: «У-у!» Наконец папаша убедился, что никакого обмана нет, и тут он забился в угол, сел и стиснул голову руками. А потом начал глядеть на меня поверх пенсне. Мне от этих взглядов жутко неуютно.

Кто-кто, а я Гасси понимаю. Я уже рассказывал вам, какое действие оказывает на меня старикашкин взгляд поверх пенсне, а если так посмотреть на Гасси, у бедняги земля уплывет из-под ног.

– И к тому же фыркал. А когда узнал от Мадлен, что я держу в спальне тритонов, то высказался по этому поводу в высшей степени оскорбительно – говорил он тихо, но я все равно расслышал.

– Ты что же, всю трупку привез с собой?

– Ну да. Я провожу очень тонкий эксперимент. Один американский профессор подметил, что полнолуние оказывает влияние на брачные игры некоторых обитателей подводного мира, к ним относятся: рыбы – один вид, два подвида морских звезд, восемь разновидностей червей, а также ленточная морская водоросль *Diktyota*. Через два или три дня наступает полнолуние, и я хочу установить, влияет ли оно также и на тритонов.

– Изъясняйся, ради Бога, человеческим языком и объясни, что такое брачные игры тритонов. Не ты ли мне говорил, что в период спаривания они просто машут друг на друга хвостами?

– Совершенно верно.

Я пожал плечами:

– Ну и пусть машут, если им нравится. Лично я представляю себе испепеляющую страсть иначе. Значит, старому хрычу Бассету не по нутру эти твои бессловесные создания?

– Не по нутру. Я и сам ему не по нутру. Обстановка в доме сложилась крайне напряженная и неприятная. А тут еще Спод, и ты сам понимаешь, почему я был совершенно обескуражен. И плюс ко всему гром средь ясного неба: мне напоминают, что после венчания я должен за завтраком произнести спич, а среди присутствующих, как я тебе уже говорил, будут оба этих субъекта, то бишь Родерик Спод и сэр Уоткин Бассет.

Он умолк, потом сделал судорожное глотательное движение, и мне представился китайский мопс, которого заставили принять таблетку.

– Берти, я ведь ужасно застенчив. Робость – это цена, которой я расплачиваюсь за слишком чувствительную натуру. Ты-то знаешь, какой для меня кошмар публичные выступления. У меня от одной мысли руки-ноги холодеют. Когда ты втянул меня в эту историю с раздачей наград питомцам из Маркет-Снодсбери и я появился на трибуне перед скопищем прыщавых подростков, меня охватила паника. Эта сцена потом долго снилась мне по ночам в кошмарах. А уж о свадебном завтраке и говорить нечего. Поразглагольствовать среди стаи теток и кузин у меня, наверное, хватило бы духу. Не стану уверять, что для меня это легко, но худо-бедно я все же как-нибудь бы выкрутился. Но когда по одну руку у тебя Спод, а по другую – сэр Уоткин Бассет... нет, такого мне не выдержать. И вдруг среди чернейшей ночи, что саваном закрыла мир от полюса до полюса, мелькнул мне слабый луч надежды. Я подумал о Дживсе.

Гасси поднял руку – мне показалось, он хочет почтительно обнажить голову. Однако ввиду отсутствия на голове шляпы рука так и застыла в воздухе.

– Я подумал о Дживсе, – повторил он, – поехал первым же поездом в Лондон и изложил ему мое затруднение. Мне повезло: еще немного, и я бы его не застал.

– Как это – не застал?

– Ну, он еще был в Англии.

– А где же ему еще быть, как не в Англии?

– Он мне сказал, что вы не сегодня-завтра отплываете в кругосветное путешествие.

– Нет, нет, я передумал. Мне не понравился маршрут.

– Дживс тоже передумал?

– Нет, он не передумал, зато передумал я.

– Ты это серьезно?

Он как-то странно глянул на меня, вроде бы хотел еще что-то сказать, но лишь хмыкнул и продолжал свое повествование:

– Ну вот, стало быть, пришел я к Дживсу и выложил все как есть. Стал умолять его найти выход из этой жути, в которой я по уши завяз. Клялся, что, если у меня ничего не выйдет,

я ни в коем случае не стану его упрекать, потому что я уже несколько дней размышляю о предстоящем и вижу, что помочь мне – за пределами человеческих возможностей. Поверишь ли, Берти, не успел я выпить и полстакана апельсинового сока, который Дживс мне подал, как он уже нашел решение. Невероятно! Интересно бы узнать, сколько весит его мозг.

– Думаю, немало. Он ест много рыбы. Значит, его осенила удачная идея?

– Удачная? Да просто гениальная! Он подошел к проблеме с точки зрения психолога. В конечном итоге, заключил он, нежелание выступать перед публикой объясняется страхом аудитории.

– Ну, это-то тебе и я бы объяснил.

– Да, но он предложил способ победить страх. Ведь мы не боимся тех, кого презираем, сказал он. Поэтому нужно культивировать в себе высокомерное презрение к тем, кто будет вас слушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.